

Елена Михайловна Гайворонская

Давай попробуем вместе

OCR Roland

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181887

Давай попробуем вместе: Центрполиграф; Москва; 2006

ISBN 5-9524-2498-8

Аннотация

Первокурсник Слава Костылев заваливает свою первую сессию в медицинском институте. В результате – отчисление и повестка из военкомата. Отслужив в «горячей точке», он становится совсем другим человеком. Слава не находит понимания ни у родителей, ни у друзей, ни у любимой девушки. И только его новая знакомая, Вера, может принять его таким, как он есть. Казалось бы, все наладилось – любимая жена, сын, работа. Но можно ли забыть прошлое?

Содержание

	4
Часть первая	5
1	5
2	7
3	14
4	18
5	19
6	22
7	26
8	27
9	31
10	33
11	37
12	40
13	45
14	50
15	51
16	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Елена Гайворонская

Давай попробуем вместе

*Памяти моего деда, Мезенцева Евгения Петровича, участника
Великой Отечественной войны*

*Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью. Это только
попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто
стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов.
Э.М. Ремарк. На Западном фронте без перемен*

Отчего-то, когда меняешься ты или что-то в твоей жизни, кажется: весь мир должен измениться тоже. Но ничего подобного не происходит. И ты осознаешь это особенно остро, когда возвращаешься обратно, в его рутинную текучесть.

Все осталось прежним. Московские сумерки, воспламененные заревом неоновых витрин в центре, а чуть в сторону – темные и унылые. Старый двор в клещах обшарпанных домов и приземистых «ракушек». Колченогая скамейка. Ржавая «паутина» на детской площадке... Лишь чуть-чуть подросла местная ребятня. Да выпал снег. Первый. Молодой. Беззащитно-чистый. Выпал, чтобы к утру умереть на черной корке еще не остывшей земли...

Часть первая

1

Ноябрь 2000 г.

Всякий раз, перед очередным издательством, у нее подкашивались ноги. Прежде она думала, что это по первости и потом пройдет. Но ошиблась. Всякий новый поход, как грипп, имел одни и те же симптомы – ватную слабость в коленях, сухость во рту и пенсионерскую одышку. Симптомы, возвращавшие ее в давно забытые студенческие годы, когда она, глупая растерянная девчонка, перед кабинетом сурового экзаменатора-редактора, лопотала противным для окружающих и себя, самой тоненьким голоском:

– Здравствуйте... Простите за беспокойство...

– Что вы хотите? – Утомленный седовласый человек в дымчатых очках, выслушав невнятное бормотание про рукопись, месяц назад отданную на просмотр, еще пару раз переспросив фамилию: «Как-как?» – долго рылся в шкафу, покуда не извлек синюю картонную папку. – К сожалению... Не ложится ни в одну серию... Слишком много накручено раздумий всяких, переживаний... Да и тема такая... спорная... Понимаете?

– Да. – Она вдруг разом избавилась от унижительного волнения, уступившего место усталой безмолвной злости. – Понимаю. Извините. До свидания.

Она уже занесла ногу на порог, когда человек в дымчатых очках спросил:

– Скажите, а почему на обложке мужская фамилия? Это ваш псевдоним?

– Нет, – ответила она, плотно закрывая за собой массивную дверь.

Злобный бездомный ветер бросил ей в лицо пригоршню колкой мокрой пыли. Ей нечем было ответить. Оставалось лишь нахлобучить на брови капюшон болоньевой куртки и идти вперед, бормоча под нос запоздалое: «Вот дерьмо!..», непонятно, кому адресованное – наступающей зиме после такого короткого лета, суровому редактору или себе самой. Взглянула на часы. Полдень.

– Ваши документы?

Она не сразу сообразила, что плечистый парень в милицейской форме обратился к ней. Ведь у нее чисто славянская внешность. Типичная и заурядная настолько, что удивительно, как ее заметили в суетно-агрессивной московской толпе. И когда достала паспорт, кисло пошутила:

– На чей же фоторобот я похожа? Карманной воровки или пособницы мирового терроризма?

– Можете идти, – изучив штамп о прописке, ответил с неприязнью страж порядка. Видимо, она окончательно разучилась шутить.

Она сделала пару шагов, когда вновь услышала за спиной:

– Ваши документы?

И невольно обернулась. На этот раз «знакомый» милиционер изловил «лицо кавказской национальности», которое вместо искомого удостоверения личности почему-то достало толстый кожаный бумажник. Поймав на себе ее взгляд, блюститель порядка сурово сдвинул брови, и она поспешила ретироваться в метро.

В вагоне было тесно и душно. Молодой человек в стильном кашемировом пальто многозначительно подмигнул. Она отвернулась. Молодой человек все же подобрался ближе, весело поинтересовался, куда она едет, выразил надежду – вдруг им по пути. Она промолчала. Он говорил что-то еще, и его слова как назойливые мухи вились вокруг головы, пыта-

ясь забраться в уши, но до сознания не доходили. Ей захотелось отмахнуться и даже прикрикнуть: «Кыш!»

Место напротив освободилось. Она села и закрыла глаза. Думать не хотелось, потому что мысли, точно метropоезда Кольцевой линии, неслись по одному и тому же маршруту и, проделав отчаянный круг, возвращались к исходной точке:

«Почему это произошло именно с нами?»

или

«Как и когда все это началось?».

Это было тяжело. Очень. Хотелось полностью уйти из этой реальности и, хотя бы на минуту расстояния между станциями, перенестись в иную, из которой по рельсам бытия безжалостно уносил ее временной экспресс...

«Как и когда началось это?»

2

Ноябрь 1999 г.

Наш подъезд напоминает бункер из-за зловеще черной железной двери с зубастым кодовым замком.

«Один. Четыре. Пять».

Эти цифры всплывают в моей памяти как сигнал к возвращению в нормальную жизнь. Я повторяю их как заклинание, словно от комбинации холодных кнопок на куске металла зависит мое будущее.

«Один. Четыре. Пять».

Клац.

Дверь отворилась, и на меня дохнуло тем особенным запахом, который витает на лестничных клетках приземистых пятиэтажек, где кондиционерами служат замочные скважины, пропускающие сквозь себя порции горького табачного дыма, а приторный аромат парфюма совокупляется с раздражающими слюнные железы парами от домашних пирожков или жареной рыбы. Я медленно поднимаюсь на свой пятый. Из-за дверей доносятся обрывки сериалов, супружеских споров, новинок хит-парадов... Подъезд продолжает жить своей жизнью, суматошной и размеренной, крикливой и молчаливой, гостеприимной и замкнутой. Все как обычно. Как всегда...

На последних ступеньках отчего-то подгибаются колени. И сердце колотится в горле, готовое выпрыгнуть вон. Дышу так, точно мне сто лет, и этот подъем грозит стать последним. Полупустой рюкзак кажется нестерпимой ношей, и я роняю его. Миллион раз слышанное «дз-зень» звучит сейчас как райская музыка. Сколько раз я представлял этот момент...

– Кто там?

На нашей двери есть глазок, но мама видит плоховато и потому все равно спрашивает: «Кто там?»

– Это я, Слава.

Ловлю себя на мысли, что произношу эти слова каким-то надтреснутым голосом, мало напоминающим мой собственный.

Дверь распахивается.

– Господи, Славочка, сыночек, вернулся, – шепчет мама и падает мне на грудь, зарываясь лицом в пропахший потом и грязью камуфляж.

Я неловко касаюсь внезапно пересохшими губами ее мягких, с серебристыми вкраплениями волос и понимаю вдруг – еще секунда, и я разревусь, как малолетка. И потому отчаянно шарю взглядом по сторонам, в надежде зацепиться за что-нибудь незыблемое из той, прежней, нормальной жизни, от которой за два последних года я отвык настолько, что не могу вспомнить даже элементарных слов утешения... Обои кирпичиками, деревянный абажур под потолком коридора, рисунок беспорядочных палочек на линолеуме... Все как раньше. Разве что мама кажется мне меньше, беззащитнее. Я обнимаю ее вздрагивающие плечики, откашливая предательски застрявший в горле солоноватый ком, и бормочу:

– Ну что ты... Не надо. Все хорошо.

Тогда она начинает торопливо целовать меня.

Я чувствую ее слезы на своих щеках. «Славочка, сыночек», – все повторяет мама, держа за меня так крепко, словно боится, что я вдруг ускользну, исчезну, как призрак... А из кухни с замершим на трясущихся губах «Кто...» выходит отец. Все в том же спортивном костюме а-ля «Адидас». Он немного постарел, сгорбился, в пшеничных усах притаился иней...

– Вернулся? Ну, здравствуй, сын... – Часто заморгав, он протягивает большую шершавую ладонь. Мы обнимаемся, похлопывая друг друга по плечам, изо всех сил стараясь не уронить мужского достоинства. Я невольно шмыгаю носом и слышу, как отец смущенно шмыгает в ответ.

– Да что ж мы все в дверях-то... – лепечет мама, вытирая слезы краешком рукава.

– Что ж не писал, сын? – В голосе отца слышится укоризна. – Неужто за последние полгода времени ни разу не нашлось?

– Я не мог...

– Что, в Ярославле почтовики бастуют? – За сарказмом отца скрывается обида.

– Последние месяцы я был не в Ярославле.

– Господи... – бледнея, шепчет мама. – Где ж ты был, Славик?

Я невольно улыбаюсь. Так странно слышать давно позабытый полудетский вариант собственного имени.

– Все нормально, мам. Все позади. Война закончилась для меня.

Я верю, что говорю правду...

В армию я угодил со второго курса медицинского. Это очень даже просто, когда тебе восемнадцать. И на неокрепшие мозги давит вовсе не багаж знаний, а специфическое вещество. Оно превращает вчерашних пай-мальчиков в тупых ненасытных самцов, распаляющихся от каждой коротенькой юбочки, и заставляет забросить подальше учебники и конспекты и, повинаясь могучему зову природы, кинуть все силы на удовлетворение его потребностей. Дружеские вечеринки продолжаются от рассвета до заката. Записная книжка распухает от номеров телефонов, а голова – от чехарды глаз, волос, ножек, губок, попок и носящих все это женских имен, которые, как на грех, имеют привычку постоянно путаться.

Но потом появляется Она, одним телодвижением, словно по мановению волшебной палочки, перечеркивая все, что было до... У нее ноги от макушки, кудри, что греют вместо шапки в самую лютую стужу, а губы... при одном воспоминании о них ощущаешь такой небывалый подъем, словно принял изрядную дозу виагры.

Зовут ее Ирка, работает продавщицей в маленьком магазинчике автозапчастей в районе, где куча Парковых улиц и ни одного настоящего парка, хоть обыщи. Ей девятнадцать. Ты таскаешься с ней в местное диско, переоборудованное из вчерашнего подвала, водишь по кабакам, покупаешь цветы, конфеты и прочую муть, без которой никуда. Но взамен получаешь секс. Не в буйных зарослях городских парков среди консервных банок и бэушных презервативов. И не на хате приятеля, из которой «предки выехали на дачу, но могут завалить обратно в любой момент, так что кончайте там побыстрее». А в ее собственной квартире. Отдельной. Однокомнатной. На широкой, затянутой цветочным ситцем и благоухающей «леноровой» свежестью кровати. И она позволяет то, что не всегда позволяли другие, правда, с оговоркой «только для тебя, потому что ты хоть и не первый, но лучший, единственный...» Она твердит эту фразу «до», «во время» и «после», словно зомбирует, и однажды ты думаешь: «Наверное, это любовь...» И говоришь ей об этом, в то время как твое тело продолжает совершать привычно-слаженные движения туда-сюда-обратно... Как и до любви...

Конечно, тебе нужны деньги. И чем дальше, тем больше. Уже на такси, на симпатичное колечко из местной лавчонки с помпезным названием «Голден уолд», на духи, желательно «Шанель»... Воистину нет на свете ничего дороже любви. А значит, тебе нужен приработок. Какая к чертям сессия?! Ты стаптываешь последние ботинки в поисках, кому бы впарить «Гербалайф», таймшер, электровеник, суперножи, не нуждающиеся в заточке по причине их изначальной сверхтупости, лотерейные билетки, по которым можно выиграть остров в Индийском океане или земельный участок в джунглях Амазонии...

Очень скоро ты убеждаешься, что дураков, к сожалению, куда меньше, чем желающих сделать на них деньги. И взрослая жизнь гораздо сложнее и скучнее, чем казалась из-за школьной парты.

Жаль, что суровый, похожий на Воланда профессор слишком давно был молодым и проблемы современной фармацевтики волнуют его значительно больше, нежели твои личные. А ты настолько бесшабашно-глуп, что не принимаешь всерьез разные там «неуды», наивно полагая, что твои университеты еще впереди...

И не ошибаешься. Там, где заканчивается студенческий детсад, берет начало настоящая школа жизни. А приглашение в нее – возникшая однажды в твоём почтовом ящике суровая серая бумага с приказом немедленно явиться в военкомат. Ты тупо подчиняешься, поскольку эту привычку – подчиняться приказам – впитал, должно быть, с молоком матери. Под грозным взглядом человека в погонах дрожащая рука, будто сама по себе, выводит замысловатый подписной крест. Вот и свершилось.

You are in the army now...¹

Горячие водяные струи дробятся об отвыкшее от их небрежных ласк и оттого млеющее, тающее под ними, как масло на солнцепеке, тело и кажутся мне фантастичнее звездных войн. Я даже ловлю себя на том, что начинаю напевать. Шепотом, чтобы никто не услышал... Черт возьми, мне уже все равно, услышат меня или нет! Я дома. Я у себя дома. В моем собственном душе. Здесь я в полной безопасности. Могу петь, орать во все горло! Война закончилась! Закончилась для меня!

Сколько раз мне придется это повторить, чтобы самому поверить...

– Ты звал? Что-нибудь нужно? – стучит в дверь отец.

– Нет, спасибо. Тебе послышалось...

Я медленно оседаю в серое чугунное чрево, тщетно пытаюсь вновь вернуться к блаженному состоянию релаксации, только что извлеченной мной из недр сознания памяти о прошлой, нормальной жизни. Жизни до... В прожорливое черное горло гулкого днища устремляется клокочущий мутный поток последних шести месяцев и трех дней...

О том, что армия – не курорт со всеми вытекающими отличиями, думаю, вы знаете и без меня. А если не знаете, то наверняка догадываетесь. Поскольку читали, смотрели, слушали. Друга, знакомого, соседа, знакомого друга соседа или кого-то еще, кому, в отличие от вас, подфартило там побывать. И было вам страшно или смешно, о чем шла речь, потому что эта сторона жизни как правда – у каждого своя. И возможно, в глубине души вам было чуть-чуть наплевать – лично вас-то это не коснулось и вряд ли коснется. По крайней мере, я когда-то думал примерно так. Но судьба распорядилась иначе. Отец тогда сказал мне: «Ты сам сделал свой выбор». Мои милые наивные родители! Они прожили нелегкую, но счастливую жизнь, пребывая в сладостном неведении относительно того, что свобода выбора – одна из самых больших иллюзий нашего времени...

В «своем выборе» я старался следовать совету, изложенному в скабрёзной прибаутке об изнасиловании: если иного выхода нет – расслабься и получи максимум удовольствия. Даже если оно заключается в бесконечных ночных караулах – за себя и за «того парня», чей срок уже, простите за каламбур, подходит к концу. В чистке общественного сортира. В гадкой перловке на завтрак, в обед и на ужин. В именуемых «учениями» вылазках на полигон, жирная земля которого была смачно сдобрена экскрементами важной служебно-сторожевой овчарки местного полковника со звучной фамилией Буряк. Я, насколько хватало силы

¹ Теперь ты в армии (англ.).

воли, пытался относиться к происходящему с позиции приобретения бесценного жизненного опыта. Ведь отец всегда говорил: «Все к лучшему...»

Был и вовсе положительный момент – нас учили стрелять. В любом городском тире за каждую пульку приходится платить, а здесь – нате, пожалуйста, – и из «Макарова», и из «АК», и даже иногда из ручного пулемета. Мы с наслаждением палили по рисованным мишеням и по черным макетам «вражеских фигур», и каждый воображал себя эдаким Рэмбо, ну или хотя бы крутым Уокером. В качестве воображаемого противника я частенько представлял плешивую, поросшую по краям пучками пегих волосенок макушку ненавистного неговорчивого институтского препода: «Н-на, получи, скотина!»

Иногда приходили письма от Ирки, написанные корявым почерком, с кучей грамматических ошибок и пикантных подробностей относительно того, что я буду обязан с ней сделать при нашей встрече. Эммануэль, доведись ей разобрать Иркин почерк, почувствовала бы себя жалкой девственницей перед моей горячей подружкой. В такие минуты я старался не думать, репетирует ли с кем Ирина долгожданное свидание. Ибо сам-то я, признаюсь, в каждую увольнительную спешил к местным девчонкам из тех, что готовы на все и «только по любви». А любили они всех и каждого в отдельности. И с какой-нибудь юной бестией в подвале на заслуженном матраце или на природе, в пряной пахучей траве, под сенью молодых ветвей мы вытворяли все то, что завещано природой. Не судите нас строго, да не-судимы будете. Никто не безгрешен в девятнадцать!

Я закрываю глаза и вижу их – своих товарищей по казарме, по иной жизни, о которой после кто-то вспоминает с ужасом, а кто-то – с ностальгией...

Игорь Шмелев – Гарик. Коренастый, темноглазый, русоволосый. Генерал дворовой шпаны нового московского квартала Митино. Отменный стрелок. Завсегдатай «губы». Неутомимый затева-тёль ссор, плавно перераставших в мордобой. Бит «старичками» бывал неоднократно и нещадно. Однажды даже попал в госпиталь, чем страшно гордился. Впоследствии так же рьяно брал реванш с новопризывниками-«салабонами».

Костя Семенов – Костик. Длинный и тощий как жердь. Сутуловатый и застенчивый. Провалил экзамены в вуз чрезвычайно дорогой и элитный для его тихой интеллигентной ре-мьи. Весь первый год был главным объектом насмешек «дедов» еще и потому, что, как выяснилось, оказался убежденным девственником, сохраняя себя для одной-единственной, бывшей одноклассницы. На фотографии, нежно хранимой в нагрудном кармашке, у нее была толстая коса, близоруко прищуренные светлые глаза и смущенная улыбка.

Денис Кричевский. Немногословный флегматик. Из всех моих одногодков один успел обзавестись женой «по залету» и вскоре – дочкой. На гражданке был водителем, поэтому здесь ему частенько доверяли почетную миссию – развозить по домам дорогих гостей полковника Буря-ка после теплых дружеских посиделок, когда сами они бывали «не в состоянии». Или же на малиновой полковничьей «ауди» катать по магазинам его любезную супругу, год жизни с которой я приравнял бы к трем фронтовым...

И еще многие, ничем не примечательные, обыкновенные девятнадцатилетние ребята, имена которых никогда не войдут в историю и не будут греметь в веках. Каждый из них, как и я, незаметно пришел в этот мир, чтобы посадить свое дерево, вырастить детей и, тихо состарившись в окружении родных и близких, уйти, завершив тем самым свой полет, короткий и бесконечный, в мерцающих коридорах Вечности...

«Какая она, смерть?»

– Вячеслав, ты, часом, не утонул? – деликатно постукивает в дверь ванной отец.

– Оставь его, – слышу я мамин голос.

Они весело препираются, как в старые добрые времена. Но в их голосах слышится скрываемое волнение. Да и сам я до конца никак не поверю, что дома и все позади. Из кухни

доносится забытый аромат картошки, жаренной с мясом и лучком. Слышится звон бьющейся посуды, мамино «Ох!», сетование на то, что не держат руки, и радостное отцовское: «На счастье!»

Я поспешно вытираюсь огромным банным полотенцем, мягким, как молодая трава. По его зеленому полю раскинулись оранжевые подсолнухи... На мгновение замираю, закутавшись в кусок махровой ткани...

Лето... Солнце... Море... Вихрастый пацан возводит замок около воды. Песок шоколадными струйками течет меж перепачканных пальцев, причудливыми сталагмитами оседая возле загорелых ступней...

– Красивый замок... – говорит мама. Ее рыжеватые, как лепестки подсолнуха, волосы треплет забияка ветер. – Жалко, что скоро его смоет волной. Ничто не вечно...

Иногда я видел этот сон *там*...

Сейчас, по контрасту с мимолетным видением, я особенно остро ощущаю, как они оба постарели, мои родители. И мне отчего-то становится больно дышать.

Отец отвинчивает синюю крышечку «Гжел-ки». Его руки заметно дрожат.

– Думаю, теперь тебе можно, сынок?

Он полувопросительно смотрит на маму, и та кивает. Я прячу улыбку в кулаке. Неужели для них я все еще вихрастый мальчишка? Я мог бы рассказать им, что и сколько я употреблял последние месяцы. Как и о многом другом, о чем умалчивает пресса и избегаем вспоминать даже мы сами. Но именно потому я никогда не сделаю этого. Наверное, я все же повзрослел.

– Может, хочешь позвонить Ире? – заискивающе смотрит на меня мама.

Странно, но до сих пор я даже не подумал об этом. Милая мама, я ценю твой порыв. Я ведь помню: Ирка никогда тебе не нравилась. Для тебя она была и остается девицей, из-за которой я вылетел из института. Вынужден в душе признать, что ты права.

Я качаю головой:

– Успею.

– Ну, – отец справился наконец с бутылкой и разлил в три пузатенькие рюмки прозрачную жидкость, – давайте за то, чтобы все войны закончились для нас навсегда.

Мама кивает, прикусив дрогнувшую нижнюю губу.

Маленький, подвешенный на кронштейне телевизор, до сих пор гонявший какие-то рекламы, точно по сговору с нами, на секунду торжественно умолкает. А затем, в неясном свете, преломленном сквозь полукруглое рюмочное стекло, отражает утомленное лицо человека с высоким, перерезанным поперечными морщинами лбом, тонким брезгливым ртом и холодными полупрозрачными глазами, в которых словно на веки вечные застыла смертная скука. Проникновенным голосом он сообщает, что обстановка на Северном Кавказе находится под контролем и военные действия в Чечне будут завершены к концу года...

Я молча смотрю в его глаза, равнодушно вззирающие на меня, моего отца, мою мать и на тысячи других чьих-то отцов и матерей, прильнувших в эту минуту к экранам, с колотящимися сердцами ожидающих вестей. Наверное, он знает то, что неизвестно нам, мелким сошкам, протоптавшим, проползшим каждый метр чужой неласковой, ошестинившейся острыми камнями земли. И может многое объяснить. Но только те, кто стал ее частью, вобрав в себя вместе с горячим свинцом ее трещинки, впадины и ложбинки, напоив их собственной остывающей кровью, – те уже не смогут ни услышать, ни понять, что же есть в этом мире гораздо более ценное, чем их молодая, на взлете оборванная жизнь. И жизнь их детей и внуков, которым не суждено уже появиться на свет, сделать своими маленькими легкими первый глоток горьковатого воздуха...

– Пожалуйста, выключи. – Я не узнаю собственный голос. – Я не хочу пить с этим человеком.

Тусклое утро моросило с грязно-серого неба не по-летнему промозглым дождем. Отчего-то именно в самую дерьмовую погоду обожают устраивать проверки «большие погоны». Тогда появились аж два генерала – генерал-полковник и генерал-майор – и просто полковник, видимо для разбавления. Полигон напоминал гнилое, смачно чавкающее болото, и мы, разумеется, демонстрировали на нем свою воинскую доблесть. К концу «парада» все наше подразделение, исключая руководство, вполне годилось для съемок очередной серии «Зловещих мертвецов».

Потом нам выдали новую, с иголки, форму. Гарик, примеряя ботинки, ворчливо заявил, мол, неплохо бы этим «шишкам» появляться почаще чем раз в полтора года, и зло-радно предположил, что Буряку намылили задницу. Денис сказал, мол, как было бы хорошо получить в придачу приличный ужин. А маленький веселый татарин Сайд мечтательно прибавил: «И девочек...» После чего казарма загудела, как растревоженный улей.

И чудеса продолжились: ужин и впрямь оказался фантастическим, достойным если не «Метрополя», то по меньшей мере «Праги». Вместо холодных, слипшихся макарон с крошками фарша и мутного отвара, метко охарактеризованного Гариком «ослиной мочой», каждому положили по бифштексу с жареным картофелем и салатом из квашеной капусты, а чай впервые с честью оправдал свое название. Мы ликовали, истолковывая чудесные метаморфозы самыми разными предположениями: от предстоящего президентского визита до вхождения России в НАТО. И только пессимист Костик удрученно заметил, что скотину перед забоем тоже обычно чистят и кормят. Сайд возразил, мол, гуляй Костик в увольнительные с девочками, дурные мысли меньше бы лезли в голову. И веселье продолжилось.

После ужина все чувствовали себя довольными и умиротворенными. Даже Гарик не цеплялся к «салагам». Обычно хмурый и вредный ротный Колян притащил сигареты и расстроенную гитару, и наш музыкант Макс Фридман, по гражданской привычке встряхивая головой, точно откидывая со лба длинную челку, сбавил весь свой клубный репертуар, от «Комбата» до «Упоительных российских вечеров». А Колян почему-то избегал смотреть нам в глаза и улыбался как-то вымученно и криво.

На вечернем построении появился лично товарищ полковник Буряк без супруги и овчарки и, торжественно выкатив грудь, поведал, что «второгодники» нашей части отправляются на учения... Он хотел добавить что-то еще, но вдруг осекся, махнул рукой и быстро ушел, низко опустив голову. И тогда наступила тишина...

– ...Представляешь?

– А-а... Хорошо, – киваю я.

Мать с отцом смотрят как-то странно.

– Чего ж тут хорошего? – обиженно поджимает губы мама. – Рак желудка.

– У кого?

– Я же говорю, у соседа, Станислава Борисовича. Ты совсем не слушаешь?

– Слушаю, – покорно возражаю я. – Тогда плохо.

А что еще я могу сказать? Я с трудом припоминаю, что Станиславу Борисовичу семьдесят пять. А нашим ребятам было по восемнадцать, и они были здоровы. Но многих из них уже нет...

Отец ставит опустевшую рюмку. Внезапно повисает тягостное молчание. Я щелкаю выключателем, и по столу разливается искусственный желтый свет.

– Ну, – нерешительно подает голос батя. – Как там было?

Я молча пожимаю плечами. Отчего-то вспомнился давно умерший дед. Он воевал во Вторую мировую. Все четыре года. У него не было наград. Когда я спрашивал почему, он, усмехаясь, говорил, что таких, как он, простых солдат, было слишком много и медалей на всех не хватило. Он вообще не любил говорить про войну. Всякий раз, когда я с жадным мальчишеским любопытством допытывался: «Ну расскажи, как там было...», отвечал уклончиво, неохотно. Однажды улыбнулся: «Вырастешь – узнаешь». Кажется, я тогда обиделся очередной отговорке... Я был маленьким и глупым.

Я не знаю, что говорить. И надо ли.

Отец закуривает. По-моему, он и не ждет ответа. Я тоже беру сигарету. Мама смотрит с удивлением и легкой примесью осуждения: прежде я не курил. Потом тихо спрашивает, не хочу ли я спать.

– Да, пожалуй. – Я прячу сигарету в карман домашних спортивных штанов. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, сынок.

Мама открывает форточку, чтобы выгнать горький табачный дым. А отец сидит, сгорбившись и разглядывая окурки в жилистых узловатых пальцах...

3

Я закрываю дверь в свою комнату и остаюсь наедине с собой. Впервые за два года. На стене над кроватью – цветной плакат «Спартака». Когда-то я не пропускал по телевизору ни одного матча. Письменный стол. За ним я делал уроки, готовился в институт, писал шпаргалки. А иногда стихи... Как давно это было... словно и не со мной. Я будто в чужой комнате. Вытягиваю ящик стола и почему-то оглядываюсь, точно боюсь, вдруг войдет настоящий хозяин, парнишка по имени Слава Костылев, и увидит, что я роюсь в его вещах. Тетради, толстые и тонкие. Фотографии. Ошалевший от восторга взгляд из-под щипаной челки, улыбка в тридцать три зуба – это я. Темнокудрая красотка с полными, ярко очерченными губами, томно припавшая к моему плечу, – это Ирка. В самом дальнем углу – презервативы, уже просроченные. Вишневый блокнотик. Раскрываю наугад:

*Мне всего восемнадцать, или это – уже?
Мне года мои снятся в крутом выраже.*

Да, пожалуй, круче не бывает... Смешно... И немного грустно. Оттого что тот милый наив давно в прошлом и больше не вернется никогда. Сейчас я не смогу срифмовать и двух строк даже под дулом пистолета.

Забрасываю детство обратно в ящик и запираю на ключ. Со стены язвительно скалится Тихонов.

Да пошел ты! – сдираю плакат, швыряю на пол, гашу свет. В незашторенном прогале тоскливо болтается огрызок луны. Блочная высотка напротив изучает меня бойницами своих окон. И месяц продолжает тарашиться. Я словно чувствую между лопатками направленный пучок его света. Задергиваю занавески, но и сквозь ненадежную ткань просачиваются тусклые блики и ложатся на пол косыми четырехугольниками. Я раскладываю диван, и он оказывается аккурат напротив окна. Желтые блики скользят по клетчатому покрывалу.

«Если на крыше дома напротив притаился снайпер, я стану идеальной мишенью».

Что за бред?! Здесь нет и не может быть никакого снайпера!

Я сдираю с дивана покрывало и цепляю на окно. Я знаю, что это глупо, но делаю. Помимо воли. Как зомби. Ложусь. Ворочаюсь с боку на бок. Начинает ныть нога. Черт бы ее побрал...

«Если у него система инфракрасного видения, не помогут никакие шторы».

Я вскакиваю, задвигаю диван в правый околооконный угол. Так безопаснее.

Нет! Мне просто хочется что-то изменить. Обстановку в комнате. Зачем я лгу самому себе? Я хочу изменить себя нынешнего на себя прежнего, двухлетней давности... Вот только не знаю как...

«Война закончилась для меня!»

Бум!

Я сжимаюсь, ошетинаясь, кручусь на месте, не понимая, что делать и куда прятаться. И только потом соображаю, что это всего лишь шум соседей сверху. А ворот моей футболки уже мокр и холоден от липкого пота.

Стараясь ступать как можно бесшумнее, я иду на кухню. Достаю из холодильника недопитую бутылку, отхлебываю прямо из горлышка. Глоток, второй. И слышу, как стучит мое сердце. Тише. Еще тише... За спиной отчетливые шаги. Моя правая рука делает безотчетный жест, словно пытается выхватить несуществующий автомат.

На пороге стоит мама. В темноте я слышу ее участившееся дыхание, но не различаю лица. И хорошо, потому что она не видит моего. Я прячу бутылку за спину:

– Пожалуйста, не включай свет.

Мы стоим в темноте и слушаем, как ветер скребет по стеклу беспомощными ветками старого тополя.

– Не стоит этого делать, сынок, – произносит она тихо и мягко.

– Чего?

– Пить в одиночестве. Это не выход. – Она делает шаг, другой и гладит меня по голове, словно я все еще маленький мальчик.

– Я знаю, – охрипнув, шепчу я. – Я не буду...

Ее пальцы продолжают перебирать мои волосы. Мама, милая мамочка, если бы я мог зарыться лицом в твои теплые шершавые ладони и выплеснуть боль, и страх, и невыносимое отчаяние, скопившееся во мне... Но мои глаза, давно разъеденные горячим песчаным ветром, пусты и сухи, и внутри все выжжено и мертво, как на остывшем пепелище родного очага.

Тишина стоит мертвая, зловещая. Именно в такой тишине, в полумраке обожает подкрадываться враг. Но меня не проведешь. Я чувствую его приближение, ощущаю его запах – сладковатую дурь гашиша, вонь пропотевшего тела, невымытых ног. Я собираюсь в комок, нащупываю под подушкой автомат. Оконная створка бесшумно открывается...

Он ступает на подоконник, мой враг. Один, за ним второй. Они все-таки нашли меня. Я вижу их полусгнившие лица, изъеденные зеленоватыми трупными язвами и жирными белыми червями. Я выхватываю свой «АК», жму на спусковой крючок в положении «очередь», давлую изо всей силы, чтобы убить их во второй раз. Но они не падают. Они спрыгивают с подоконника и начинают окружать меня, оскалив в сатанинских усмешках желтые зубы, выблевывая тухлые внутренности, протягивая костлявые руки со свисающими оплутками кожи и клоками камуфляжа.

– Ребята! Кирилл! Денис! Огурец! На помощь!

Мертвец бьет меня в грудь, и я, крича и кувыркаясь, лечу в тартарары навстречу гигантскому всепожирающему огню...

Я свалился с кровати. Черт, это всего лишь сон. Дурной сон. Господи, сколько еще мне придется их видеть? Сколько я выдержу? Холодный пот ручьями льет по моим вискам, спине. Я вытираю лоб, брови, ресницы. Мои зубы выбивают дробную чечетку. Я лезу в шкаф, натягиваю старый, пахнувший нафталином джемпер. Достая сигареты, открываю окно. Сырой колючий ветер бросает мне в лицо клочья разодранных туч...

Что толку ложиться? Вряд ли я снова засну. Я знаю, чего мне для этого недостает. Канонады оружийных залпов... Я выдыхаю порцию сизого дыма прямо в ощерившийся оскал белого месяца.

«Вырастешь – узнаешь...»

Так вот оно, сокровенное знание, первородный грех, проклятие рода человеческого. Война. Любимая детская игра. Самый древний и живучий из всех человеческих инстинктов, передающийся в генах, из века в век заставляющий новые горстки человеческих существ, прикрываясь громкими фразами о свободе, религии, принципах, низвергать самих себя в очередной кровавый ад...

«И вечный бой. Покой нам только снится...»²

Кто это сказал?

Мне снится война.

В Моздок нас доставили на поезде. В допотопной плацкарте с деревянными полками. Пожилая проводница всю дорогу бесплатно поила нас горячим чаем, приговаривая: «Совсем

² А. Блок. На поле Куликовом.

молоденькие...» И уже от этой заботы становилось тошно и страшно до чрезвычайности. Костик лежал на верхней полке, уныло глядя в потолок. Денис таращился в окно. Наверное, думал о жене и дочке. Впервые я почувствовал зависть: почему-то, когда я пытался думать об Ирке, в памяти возникали лишь ситцевые, в сиреневый цветочек, простыни. Из туалета в очередной раз вылез Гарик, пробурчав, что съел какую-то гадость, и выпалил с неожиданной дурацкой мальчишеской бравадой: «Если нас везут на войну, мы покажем этим чурекам!» Я промолчал. На другом конце вагона резались в карты, вяло травили анекдоты, вымученно смеялись. В спертom воздухе витала неопределенность, казавшаяся страшнее самой жуткой действительности. Я вдруг почувствовал, как к горлу подкатывает унижительный солоноватый комок, и тихо вышел. В соседнем вагоне едут десантники. Судя по всему, это был не первый их вояж. Они отчаянно грузились водкой и громко ржали. С удивлением я услышал знакомый голос. Так и есть – пронира Макс. Глядя вокруг осоловелыми глазами, напялив чей-то синий берет, он вдохновенно распевал под невесть откуда взятую гитару, «как упоительны в России вечера».

Я прошел в тамбур. У раскрытого сверху окна курил человек. Вероятно, как и я, искал уединения.

– Не помешаю?

– Воздух общий. – Он слегка подвинулся.

Я нашел сигареты, но никак не мог откопать спички. Наверное, оставил на столике. Незнакомец молча вытащил зажигалку, высек тоненькое пламя. В пляшущем свете огня глаза случайного попутчика казались на удивление светлыми и невыразительными. Я поблагодарил. Он коротко кивнул в ответ. Мы молча дымили. Теперь я разглядел, что этот парень постарше меня. Впрочем, ненамного. Косой пробор негустых пепельно-русых волос над высоким покатым лбом, тонкие брови, нос с небольшой горбинкой, упрямый рот с брезгливой нитью губ, подбородок, разделенный пополам короткой, но отчетливой морщинкой. Он был невысок, даже щупловат, но эта неброская сосредоточенность создавала впечатление человека уверенного и неробкого, спокойно смотрящего в страшное для меня завтра.

– Нас ведь везут в Чечню? – спросил я, хотя уже смутно догадывался, какой будет ответ.

Он усмехнулся зло и устало:

– Да уж. Чечнее не бывает. – И добавил, глядя в пространство, точно разговаривал с кем-то невидимым: – Ну ладно, я. А вы-то, пацаны, на кой хрен там нужны?

– А вы не в первый раз? – поинтересовался я осторожно, боясь нарваться на раздражение.

Он ответил с насмешливой злостью, словно адресованной неизвестному оппоненту:

– Надеюсь, в последний.

Дверь в тамбур хлопнула, несколько десантников вывалили по нужде. Макс продолжал горланить с отчаянным надрывом:

*Хрустальный замок до небес,
Вокруг него дремучий лес.
Кто в этот замок попадал,
Назад дорогу забывал...*

Мой случайный попутчик поморщился.

– Дурацкая песня, – скривился я в усмешке.

– Пожалуй.

Вновь повисло гнетущее молчание.

– Слава. – Я протянул руку.

Он смерил меня холодным пристальным взглядом, будто решал, достоин ли я его внимания:

– Кирилл.

Я выдержал этот взгляд и пожал протянутую ладонь, небольшую, но крепкую. И невольно ощутил, как моя отчаянная тревожность слегка улеглась, точно под воздействием магнетизма спокойного равновесия этого человека.

Стены высоток напротив начали медленно сереть. Квадратные крыши будто не желали пропускать рассвет. Далеко внизу протарахтел первый автобус. Лязгнула подъездная дверь. Огромный мирный город неторопливо поднимался навстречу новому дню...

4

Днем грязно-серое небо разродилось противным мокрым порошком.

В дверях родного института сталкиваюсь с тем несговорчивым преподавом, кому обязан отчислением. Все в том же коротком вытертом пальто, с облезлым рыжим портфелем в руках. Я здороваюсь. Вежливо ответив, он скользит по мне равнодушным неузнающим взглядом: я был всего лишь одним из многих. Я ловлю себя на том, что больше не испытываю к нему ненависти. Он всего лишь выполнял свою работу. И уж конечно, не заслужил того, чтобы загулявший недоросль воображал его немолодую лысеющую голову в качестве мишени. Я вдруг ощущаю прилив стыда за ту дурацкую, почти двухлетней давности, нелепую жесточенность. Мне даже хочется догнать его и извиниться, но это было бы еще глупее: ведь он ни о чем и не подозревает. Я лишь провожаю глазами его сутулую фигуру, полупагом-полубегом спешащую к троллейбусной остановке.

Полная дама в синем свитере с блестками, что-то жуя, сочувственно слушает мои сбивчивые объяснения на тему, что я хотел бы восстановиться и продолжить учебу. Я немного отвык от нормального изложения и прикусываю язык всякий раз, когда с него готово сорваться нецензурное слово. Узнав, где я служил, дама устремляет на меня туманно-сочувственный взгляд, словно я инвалид детства или болен СПИДом. При этом ее челюсть с мягким двойным подбородком продолжает неспешное отлаженно-меха-ническое движение. Я негромко кашляю. Жрица храма наук, восторженувшись, произносит «Да-да» и, порывшись в моих бумажках, предполагает, что, скорее всего, в порядке исключения я буду восстановлен на второй курс и смогу приступить к занятиям с сентября будущего года. Она повторяет, что вообще-то это решает ученый совет, но, учитывая мое положение... И вновь глядит так, будто я беременный. Наверное, ей не терпится избавиться от меня, чтобы в спокойной обстановке заняться важным делом поглощения пищи. А у меня и впрямь то ли от духоты, то ли от терпкого запаха ее духов вдруг начинает кружиться голова. И потому, промямлив слова признательности, я выскакиваю прочь.

На улице студенты, полные юношеского задора и беспечности, болтают и смеются на всю округу. Девчонки в коротеньких юбочках над стройными и не слишком ногами... В тонкие нити взьерошенных ветром волос вплетаются мелкие бисеринки снежной крошки. Ребята в куртках нараспашку, вздымаемых ветром, точно паруса. А вон тот, худой нескладный шатен в новеньком, купленном «на поступление» «пилоте»... Почему-то я ускоряю шаг, забегаю вперед, выбрасываю руки, рот сводит в безмолвном крике...

Что я делаю? Кого хочу остановить? Кого предостеречь?!

Тот парнишка удивленно замирает, следом останавливается вся компания. Он действительно чем-то похож на меня... Меня прошлого. Парень недоуменно моргает:

– В чем дело?

Девицы шепчутся, посмеиваясь. Наверное, я похож на слегка обкуренного.

– Извини, – говорю, – обознался.

– Ничего, бывает. – Улыбнувшись, он хлопает меня по плечу, и мы расходимся в разные стороны.

Я остаюсь один посреди припорошенного снегом тротуара. Каждый делает свой выбор. По крайней мере, ему так кажется...

5

Дребезжащий троллейбус отсчитывает остановки. «Пятая Парковая улица». «Восьмая»... Усталая кондукторша продает билеты, и я покорно кладу монету в ее красные негнущиеся пальцы. Прежде здесь не было кондукторов. Билеты проверяли крепкие ребята – рейсовые контролеры. Я знал их наперечет и с задней площадки, готовый в любой момент выскочить вон, зорко наблюдал, не мелькнет ли в толпе сающихся знакомое лицо. Десять сэкономленных бесплатных поездок – возможность прокатить Ирку на «тачке». Каким детством теперь мне это кажется!

«Шестнадцатая Парковая».

Та же, в трещинах и щелях, плохо асфальтированная дорожка. Магазин. Тот же фасад, покрашенный в синий цвет, изрисованный поверх толстых витринных стекол мерседесно-тойотс-кими знаками. Будто всякий, проживающий на этой окраине, ездит исключительно на крутой иномарке. Та же ступенька у входа. Здесь и впрямь ничего не изменилось.

Я приникаю к стеклу и вижу Ирку. То и дело встряхивая своими роскошными черными кудрями, она не забывает кокетливо улыбаться. Воркует с каким-то узколицым рыжеватым парнем в небрежно расстегнутом и дорогом по виду, стильно укороченном пальто. Я вижу острый ворот серой рубашки, перехваченный темным галстуком. Свитер на Ирке незнакомый. С затейливой бахромой по широкому «хомуту», съехавшему на полуобнаженное плечо. Значит, кое-что все же изменилось – Иркин свитер...

У меня странное чувство: будто все происходит не наяву, а в очередном, самом дурацком сне. Иначе как объяснить, что после двух лет разлуки с любимой я не распахиваю дверь ногой, не врываюсь вихрем навстречу изумленным возгласам, объятиям, поцелуям и всему остальному, столько раз рисованному моим распаленным воображением. Нет. Я стою, прикинув к стылому стеклу, наблюдаю, как моя девушка любезничает с чужим парнем... А внутри меня, там, где должно разгораться всепоглощающее шальное пламя, пусто и холодно, как в покинутом, полуразрушенном доме... А может, я стал импотентом?

Аж в холодный пот швырнуло. Ф-фу, придет же такое в голову... Сейчас я войду, и все будет по-прежнему!

Тихое шарканье ног по асфальту. Я оборачиваюсь. Мимо бредет старик с палочкой, что-то бормоча под нос. Поравнявшись со мной, он произносит негромко, но отчетливо:

– Как прежде уже не будет. Никогда...

– Что?

Старик поднимает голову. Мне кажется, что в выцветших глазах тускло мелькнуло нечто, что могло бы стать разгадкой.

– Улицы совсем не чистят. Безобразие, – скрипит он и, тяжело вздохнув, плетется дальше. Но меня не оставляет ощущение, будто он хотел сказать что-то другое. Да ну, глупость какая!

Я трясую головой, сбрасывая остатки оцепенения, и с непонятной злостью толкаю ногой магазинную дверь.

Первыми с вокзала на грузовиках с брезентовым верхом увезли десантников. Потом очередь дошла до нас. Иногда все кажется продолжением повседневной армейской «зарницы»: постреляем, побросаем – и обратно. Но обернутые войлоком дымчатого тумана горы вдали, собственный автомат, запасной боекомплект – «бэка», пара гранат, нож на поясе и овальный металлический жетон с пятизначным номером красноречиво опровергают эту иллюзию.

Слегка приободрившийся Гарик навел на меня черное дуло и, раздув щеки, изобразил звук выстрела.

– Прекрати! – неожиданно резко одергивает Денис. И этот окрик никак не вязался с его обычной флегматичностью.

– Когда это тебя выбрали командиром? – моментально ошетинился Гарик.

На его плечо опустилась рука.

– Убери.

Я узнал случайного знакомого из ночного тамбура, Кирилла. В его негромком голосе отчетливо слышались металлические нотки, а в холодной глубине светло-пепельного оттенка глаз скрывалось нечто, заставившее подчиниться даже Гарика.

– Это не игрушки, парень. Первое правило войны: никогда не ссорься со своими. Иначе всем крышка. – Отвернувшись, словно сразу позабыв о существовании Гарика, он легко запрыгнул в наш «Урал».

– Пошел ты, – запоздало пробурчал уязвленный Гарик. Но и он, и все мы в тот момент каждым нервом, всей кожей ощутили суровую справедливость слов Кирилла: отныне мы принадлежали к иному миру, где действовали иные законы, и нам только предстояло их постичь. Мы – снова «салаги». Только расплата за неподчинение уже не чистка сортира...

Перед самой отправкой в наш кузов, запыхавшись, кулем ввалился курносый розово-щекий парнишка в очках на резинке, какую обычно вдевают в трусы.

– Чуть не опоздал! – выпалил он скороговоркой каким-то тинейджеровски ломким голосом. На фоне общей мрачной суровости его довольная, почти веселая мордашка смотрелась явным диссонансом.

– На тот свет торопишься? – хмуро поинтересовался Гарик.

– Поживем еще маленько, – моментально парировал паренек. И тотчас бодро представился: – Огурцов Александр.

– Огурец, – фыркнул Гарик.

– И так можно, – легко согласился жизнерадостный очкарик и, когда грузовик, яростно завывая мотором, тронулся с места, вытащил из вещмешка любительскую видеокамеру «Сони» и принялся снимать.

– Ты чё, журналист? – недоверчиво спросил Гарик.

– Начинающий, – охотно отозвался Огурец, наводя на него объектив.

У Гарика уныния как не бывало. Он тотчас молодцевато распрямился и скорчил свирепую рожу. Ни дать ни взять – Рэмбо.

Грузовик тащился по дороге, громящая и лязгая на каждой выбоине. Нас обогнали. Из кузова высунулись загорелые, точно с пляжей Средиземноморья, парни, весело размахивая руками:

– Свежатинку привезли! Э-эй, берегите задницы!

– Свою прикрой! – крикнул в ответ Сайд, и наш грузовик затрясся от одобрительного смеха.

– Боеприпасы повезли, – пояснил Кирилл.

– А нас куда, в Грозный?

– Прямо уж так тебе сразу и в Грозный, – усмехнулся Кирилл. – Туда еще добраться надо.

– А ты уже бывал здесь? – робко спросил кто-то из наших.

Но тот молча закурил, даже не повернув головы в сторону говорившего. И я понял: это еще одно правило – не задавать лишних вопросов. Все, что положено, тебе расскажут. А то, о чем молчат, – узнаешь сам.

Любитель съемок Огурец тем временем высунулся из кузова, перегнувшись через край деревянной загородки так, что едва не нырнул под колеса. Мы с Денисом едва успели втащить его обратно в последний момент.

– Уф-ф, – прошептал Огурец, отдуваясь. В его зеленоватых, увеличенных стеклами глазах, по-детски бесхитростных, впервые прочитался легкий испуг, моментально перешедший в искреннюю счастливую благодарность. Он долго тряс руки мне и Денису. Ладонка у него была теплая и мягкая, как у ребенка. Казалось, на него невозможно по-настоящему рассердиться. Что делает этот парнишка на войне? Видимо, та же мысль пришла в голову и Денису, поскольку он хмыкнул и изо всех сил постарался быть деликатным:

– Разве с несто процентным зрением призывают... сюда?

– А я сам попросился. – По-детски шмыгнув носом, Огурец поерзал по скамейке. – Я на журфак в МГУ провалился. Мне сказали, что те, у кого есть печатные работы, имеют льготы при поступлении. Вот я и подумал: если все равно служить, лучше здесь, чем бумажки пере-кладывать. По крайней мере, если в живых останусь, то уж напишу не какое-нибудь барахло – настоящую книгу. Как Артем Боровик про Афган. Читали?

– Ага, – покрутил пальцем у виска Гарик, – настольная книга. При первом же выстреле в штаны наложишь. Толстой.

– Ты за свои штаны беспокойся, – невозмутимо парировал Огурец.

– А твои родители, что они... – подал голос Денис. Возможно, вспомнил о своей крохотной дочке. Наверное, это странно – ощущать себя отцом.

– Они не знают, где я... – Огурец упрямо закусил пухлую нижнюю губу и чуть насупил белесые брови.

Я тогда подумал: может, этот парень и впрямь слегка чокнутый, но мне он понравился своим заразительным юношеским оптимизмом, которого так не хватало мне самому. И еще я немного позавидовал его бесшабашной одержимости, бросающей вызов самому главному из всех инстинктов: самосохранения. Наверное, он придет к нему потом, этот унижительный, отупляющий, животный, но вполне естественный страх. Но пусть это случится как можно позже... Почему-то в тот момент я посмотрел на Костика. Он сидел, затертый в дальний угол, полузакрыв глаза, похожий на озябшего воробья на неудобной ветке. Бледные губы беззвучно шевелились, словно повторяли молитву. Наверное, тогда он ближе всех нас был к неведомому и пока неосознанному, но вполне реальному, земному аду, в огненном жерле которого вскоре нам всем предстояло оказаться. Непонятно, за какие прегрешения...

6

В незадернутое окно с серого пепелища неба тоскливо взирает огрызок желтой луны. Он выглядит потеряннным и жалким, словно единственный уцелевший на поле боя, робко заглядывая в чужие дома в тщетном поиске друзей, которых больше нет...

Я ощутил в себе его тоскливое сиротство, осознав, что отвык от женщины и от любви, в тот момент, когда, устремившись к вершине интимного блаженства, Ирка издала низкий утробный стон, переходящий в режущий ухо крик...

– Ах-ах-а-а-а!

Ее длинные отточенные ногти десятком острых игл впились мне в спину, грозясь проткнуть насквозь.

«Аллах акбар!»

Я отшатнулся от ее черных хрипящих губ, шарахнулся, вырываясь из удушливых объятий, отбрасывая ее в податливую мягкость подушки.

– Ты что? – обалдела Ирка. В ее томных от страсти глазах мелькнул удивленный испуг. – Больно же...

– Ничего. – Я вдруг почувствовал, как меня выворачивает наизнанку от мускусного запаха пота, смешанного с цветочными духами и едкими испражнениями семенных желез. Я выскочил из комнаты, склонился над унитазом. Рвоты не было. Только тягость в желудке и кислый привкус во рту. В голове гудел жаркий шепот, перерастающий в боевой клич. Неужели я схожу с ума? Я встал под душ, включил холодный кран.

– Эй, с тобой все в порядке? – постучала Ирка.

«Нет! Со мной не все в порядке! И может, уже не будет никогда!»

– Все нормально.

Мне хотелось заорать: «Оставь меня в покое, убирайся отсюда вон! Дай мне возможность разобраться с собой и этим безумным лунным фонарем!» Но я вспоминаю, что нахожусь в ее квартире, и потому уйти нужно мне.

Обнаженная Ирка сидит в кресле. В одной руке банка пива, в другой – сигарета. Призрачно-желтый свет словно рассекает надвое ее промежность, путаясь в сгустках жестких волос, но она не замечает этого. Отхлебывает пиво, смакуя каждый глоток. В спертом воздухе витает сладковатый ментоловый дым, напоминающий запах трупного разложения.

– Пива хочешь? – спрашивает она.

Я качаю головой.

– Ты до сих пор не сказал кое-что важное. – Она томно поводит глазами.

Я невольно шарю взглядом в том же направлении:

– Что?

– Что любишь меня... Ты ведь еще любишь меня, правда? – Она говорит это уверенно и твердо, ни капельки не сомневаясь в правильном ответе. – Правда?

Я не знаю, где она, правда. Возможно, я запер ее в ящик моего детского письменного стола.

– Да, – говорю я, потому что не знаю, что нужно ответить, и начинаю одеваться.

– Разве ты не останешься?

Я вновь качаю головой. Ирка пожимает плечами. Похоже, мой отказ не слишком ее расстроил. Скорее, привел в недоумение. Она тоже поднимается, набрасывает короткий халатик. Уносит пустую банку, пепельницу, по пути поправляя дверцу шкафа, вазочку на столе. Кажется, для нее нет ничего важнее этих слаженных механических движений. Как пятнадцать минут назад – секс, а после – утоление жажды и выкуривание сигареты. Будто к утолению этих простых потребностей сводится смысл ее спокойной, размеренной жизни, жизни

молодой, красивой, бесконечно уверенной в себе женщины, которой глубоко наплевать на все, с нею не связанное. Она что-то говорит о работе, новом владельце магазина, ночном клубе... В полной уверенности, что мне все это интересно. Как раньше...

– Ну и как там было? – После банки, пепельницы, шкафа и вазочки Ирка притормаживает возле меня.

– Что? – Я не сразу соображаю, о чем она. Слойно речь об очередной банке пива или пачке сигарет. На ее холеном лице я вижу любопытство, тот огонек безумного азарта, что бывает обычно в глазах зевак, толпящихся вокруг места происшествия, будь то авария или убийство. Чужая кровь, дымящаяся на грязной земле, возбуждает и завораживает, заставляя учащенное биться одряхлевшие от тупой размеренности существования сердца и после еще долго смаковать увиденное и повторять: «Слава богу, это случилось не со мной».

– *Как там было?*

Что она хочет узнать? В моем арсенале нет картинок ратных подвигов, начищенных мундиров, орденов, парадов победы. Только грязь, кровь, боль и смерть... Но ведь именно это ей и нужно. Смерть, подробное ее описание... Самое острое и будоражащее из зрелищ... неужели этого ждет от меня моя девушка, с которой я только что занимался...

– Что ты хочешь узнать?

– Ну-у... – Улыбаясь, она облизывает яркие алые губы. – Что-нибудь интересное... Ты кого-нибудь убил?

Мне хочется ударить ее. По лицу. Со всей силы. Чтобы стереть с него эту идиотскую улыбку. Но я поступаю иначе. Вонзив ногти в ладони, делаю зверские глаза, переходя на заговорщицкий шепот:

– Целую дюжину. Сперва я расстрелял их из «минигана» – это такой ручной пулемет. А потом тем, кто остался в живых, лично перерезал глотки.

– Ну да?! – Она широко распахнула глаза и рот. – А почему тебе не дали Героя?

– *«Потому что ты – глупая сука».*

– Закрой рот, – говорю я, – минет сделаешь в другой раз.

Я срываю с вешалки свою куртку. Ирка что-то возмущенно тараторит мне вслед.

– ...и можешь больше не приходить... и верни мне ключ...

Мы и прежде ссорились. И все заканчивалось как обычно: сплетением потных тел на пахнущих леноровой спермой простынях. Неужели это и есть то, ради чего стоит жить и умирать?

Что-то мягкое, невесомое, прошуршав, опадает к моим ногам. Я нагибаюсь, поднимаю сорвавшуюся с вешалки коротенькую шубку коричневого меха.

– Осторожно! – тотчас подлетев, визжит Ирка. В глазах ее такая лютая ярость, какую я видел разве у пленных «чехов». – Это же норка!

Мне вдруг стало противно. Сквозь законный мерный шум московских улиц, шорох падающего снега и доносящихся из чьей-то квартиры звуков «Упоительных российских вечеров» я отчетливо услышал канонаду боя, предсмертный вскрик молодой, оборванной в последнем рывке жизни... А в реальном искусственном свете я вижу худую злую полуобнаженную брюнетку. И она вовсе не кажется мне красивой.

– Запахнись, – я прощально чмокаю ее в лоб, – простудишься.

И набрасываю норку на Иркины плечи. Открывая входную дверь, слышу:

– Слава... ты позвонишь?

Вбт теперь она естественна, с этой недоуменной растерянностью в голосе и взгляде. В том, что со мной происходило и происходит, нет ее вины. Как и в том, что меня не было слишком долго, чтобы ей остаться одной. В том, что молодость проходит, а женщина, наверное, чувствует это гораздо острее мужчины и потому торопится жить, не задумываясь, не огля-

дываясь. Ведь стоит остановиться на мгновение – и навалится холодная пустота, от которой не спасает даже дорогой и красивый мех, накинутый на безвольно поникшие узкие плечи...

– Когда ты позвонишь? – Ее голос неестественно-тонким эхом устремляется ввысь, преломляясь об уродливые своды подъездных перекрытий.

Но я уже ступаю в полутемную камеру лифта, наглухо отрезающую меня от очередной иллюзии прошлой жизни, жизни до...

Лагерь, куда нас привезли, – несколько изрядно потрепанных палаток с чадящими, как паровозы, печурками внутри. Постели – брошенные на землю деревянные щиты.

– Небось с прошлого раза сохранили, – усмехнулся Кирилл, и кто-то из «старичков» понимающе кивнул.

– Сейчас ничего, а вот зимой...

– Если дотянем...

Лично мне от таких разговоров захотелось взвыть, а Кирилл смолил себе сигаретку, угощал кого-то. Сразу видно – не впервой. Неужели когда-то и я смогу вот так? Если дотяну...

Комбат с заросшим черно-отечным лицом представился Василием: «Безо всяких там «товарищ капитан», а то, пока обратишься, башку отстрелят...» – и коротко сформулировал задачу: завтра мы должны оказать поддержку внутренним войскам, штурмующим высоту №...

Он говорил что-то еще, но я не разбирал слов. В голове с назойливостью помойной мухи крутилась одна мысль: «Почему – я?» За что? Неужели столь высока плата за дурацкую мальчишескую безалаберность в той жизни... жизни до... А если и есть в этом какой-то высший смысл, то как мне его угадать? Потому что впервые я не мог, отмахнувшись, сказать: «Все к лучшему»...

Очнулся от тычка Гарика в бок – все пошагали к походной кухне. Гарик, как всегда, первый. Сунул нос в котелок и поморщился:

– Ну и дерьмо собачье. Хуже, чем в части.

– погоди, до «передка» доберешься – и такому дерьму будешь рад, – невозмутимо отозвался кто-то из «старичков».

Где-то далеко слышались гулкие разрывы.

– Это фронт? – тихо спросил Костик, принимая из рук походного повара порцию жидко-коричневого варева.

– На, хлебни для адаптации. – Взглянув на новенького, сердобольный «кухонный бог» вручил Костику две бутылки «Топаза».

В рядах просквозило оживление.

– И мне пару давай, – простуженно пробасил кто-то, оттесняя Костика в сторону.

Костик с той же вялой покорностью расковырял крышечку и поднес бутылку к бескровным губам.

—* Эй, – перехватил я его руку, – ты с этим не шути...

Но Костик поднял ясно-голубые глаза, смотревшиеся неестественно ярко на фоне белого как мел лица. В них застыла такая безысходность, что у меня защемило сердце, а Костик произнес с упрямой обреченностью:

– Ну и что? Когда-то надо начинать...

И, сделав глоток, тотчас начал надсадно кашлять, хрипеть, ловить ртом воздух. Кто-то заботливо протянул жесткую хлебную корку. Костик сделал несколько неверных шагов в направлении толстого дерева, рухнул наземь. Долго, сосредоточенно жевал. А потом нетвердым языком проговорил:

– Кругом туман... Знаешь, о чем я по-настоящему жалею? Что так и не трахнулся с Наташкой... – и вдруг дико захохотал, размазывая по лицу пьяные слезы.

– Не надо. – Присевший рядом Денис погладил его по голове, как ребенка. – Все будет хорошо. Война скоро закончится. Ты вернешься домой... Мы все вернемся...

– Да, – уткнувшись лицом в колени, тихо всхлипывая, повторил Костик. – Война скоро закончится для меня...

Тропинка обрывается. Я поднимаю голову и понимаю, что оказался в тупике. Передо мной высится дощатый забор неведомой стройки. Разворачиваюсь, бреду наугад. Мои наручные часы показывают три ночи. Когда я ушел от Ирки? В двенадцать? В час? Как долго и зачем блуждал в неизвестных закоулках? Среди одетых в сонную темень мирных домов, где за не тронутыми взрывами окнами обитатели погрузились в ночные грезы. Чего я ищу? Утраченное равновесие той жизни, из которой я был выдран с корнем и теперь никак не могу прирасти обратно? Чего я добиваюсь, снова и снова возвращаясь к тому, что хочу и не умею забыть, вызывая в памяти тех, кто стал призраками, тенью, мокрым снегом, падающим на мои плотно сомкнутые губы? Или они сами находят меня, словно безмолвно просят о чем-то, а я не могу понять? Я жив. Возможно, это не напрасно? Наверное, мне посчастливилось пройти сквозь ад и уцелеть не для того, чтобы есть, пить, испражняться и трахаться как ни в чем не бывало? Может, я должен что-то сказать или сделать за тех, кто уже не вернется никогда? И поэтому я все еще ощущаю себя частью прошлого больше, чем настоящего? Но что я могу? Маленький человек в огромном шумном холодном городе... Таких, как я, миллионы. Мы сталкиваемся, но не видим, говорим, но не слышим друг друга... Может, надо кричать?

– Люди! Послушайте, что я вам скажу! Остановитесь!

И они останавливаются. Ребята в милицейской форме, выпрыгнувшие из невесть откуда взявшегося «уазика», долго проверяют мои документы, интересуются, сколько я выпил и откуда возвращаюсь. Я отвечаю честно. Посовещавшись, они отвозят меня домой. По дороге их рация шипит. Вызывают на труп.

7

Ноябрь 2000 г.

Школьный двор оглушал за два квартала веселым детским гомоном. Сощурившись, она выделила из пестрого кома коричневую курточку сына, окликнула. Тот подбежал, скороговоркой выпалил про полученные пятерки. Она поправила ему съехавшую набок вязаную шапочку, с рассеянной улыбкой вглядываясь в покрасневшее личико сынишки.

– Мам, можно еще немножко поиграть?

– Хорошо, только недолго, а то холодно.

– Вовсе не холодно! – возразил мальчик. – Очень даже тепло!

Она хотела поцеловать его в тугую щечку, но парнишка ловко увернулся. Мужчинам нежности ни к чему. Вот и он начинает постепенно отдаляться. Пока еще едва заметно, но рано или поздно это произойдет, и ее маленький мальчик станет принадлежать чужой девушке, а она останется одна. Ей следует привыкнуть заранее к чувству одиночества, почти ставшему ее тенью. Он уедет, ее маленький мальчик. Далеко-далеко. Раньше, гораздо раньше, чем ей хотелось бы. Но так будет лучше для него. Потому что иначе все может кончиться слишком страшно...

«Почему это должно было произойти именно с нами?»

– Мам, посмотри, я нарисовал это сегодня! Давай отправим папе!

Сквозь наплывающую пелену она вгляделась в нестерпимо рыжее солнце, ярко-синие волны и трех корявых человечков, держащихся за руки.

– Это мы. Как будто на море. Ведь, когда папа вернется, мы поедem на море, он же обещал. Мам, почему ты плачешь?

– Я не плачу, сынок, – пробормотала она, сглатывая горючий ком, – это просто солнце светит очень ярко.

8

Ноябрь 1999 г.

Я ищу работу. Каждый, кто хоть раз в жизни сталкивался с подобной проблемой, меня поймет. Я ищу работу. Агента, торговца, грузчика. Без опыта. На минимальный оклад. Любую, где не требуется держать в руках оружие... Результат пока выглядит примерно так:

– Значит, после армии? Хорошо... А где служили? Где?! Извините, к, сожалению, пока вакансий нет. Может быть, позже...

Такое впечатление, что последние полгода я провел в лепрозории.

В одной риелторской конторе вышколенный паренек в модном пиджаке и при галстукке, стрельнув глазами по сторонам, перегнулся ко мне через стол и, перейдя на доверительный шепот, поведал, что я смогу заработать гораздо больше, если свяжусь с неким Ашотом... Номер мобильный.

На том конце провода мужской голос с характерным кавказским акцентом сообщает, что работа связана с риском для жизни, но деньги он платит хорошие, и предлагает встретиться...

Я вешаю трубку и отхожу от таксофона...

Промаявшись недели три, я все же нахожу место. Формально я называюсь рекламным агентом. В народе таких, как я, прозвали более конкретно и емко: «человек-бутерброд».

Обвешавшись с двух сторон плакатами с изображением аппетитного куса пирога, я брожу взад-вперед по одной из центральных улиц возле полуподвальной забегаловки с пышным названием «Ресторан «Фантастическая пицца». Время от времени с идиотским жизне-радостно-сытым выражением лица я пристаю к прохожим с приглашением зайти и отведать этой самой «фантастической пиццы». Моя зарплата составляет пятьдесят «рэ» в день плюс обеденный паек – кусочек рекламируемого блюда, который на третий день мне не то что в себя запихивать – нюхать неохота. По противоположной стороне улицы ходит мой коллега – «Курс доллара». Заработок тот же, но обед для него не предусмотрен, и потому Курс притаскивает из дома термос с супом и чайные пакетики. Курсу пять лет до пенсии, бывший бюджетник, зовут попросту Андреич. От постоянного пребывания на свежем воздухе с его щек не сходит здоровый румянец, а изнутри периодически вырывается хриплый бронхолегочный кашель. Периодически мы с Курсом подменяем друг друга на время жрачки или походов в туалет.

– Нам еще повезло, – просвещает меня Курс. – Вон, около Ленинского, шесть дубленочников на тумбы расставили, правда, сменами, по полдня. Представь: торчишь у шоссе, как вилка в заднице, гарь плотаешь, да еще каждый проезжающий хмырь издевнуться норочит. То огрызком запустит, то бычок кинет. А то и бутылку...

– То есть как это на тумбе? – не врубаюсь я.

– А так. Живой манекен. Дешево и сердито.

– Совсем оборзели, скоты. – Я проникаюсь комсомольской ненавистью к капитализму – с лицом мало его напоминающим, скорее – противоположную часть тела.

– Точно, кхе-кхе... – соглашается Курс, доставая из-под щита сорокаградусную заначку. – Как же холодно, блин... Даже валенки не помогают.

– У тебя, случайно, не температура? – Внезапно во мне пробуждается давно, как мне казалось, расстрелянный и похороненный инстинкт несостоявшегося медика. – Мне твой кашель не нравится. Сходил бы к врачу, а то достукаешься до пневмонии.

– На кой мне врач, кхе-кхе... Кто меня на больничном держать станет? Вам, молодым, легко рассуждать. А я в свои пятьдесят пять куда потом пойду? Сторожем, и то не возьмут. Гуляй, дед, найдем помоложе. А жить на что, кхе-кхе...

За разрисованным окном маячит бледная въедливая физиономия менеджера, которого я про себя называю надсмотрщиком. Мы с коллегой разбредаемся в разные стороны. Как раз напротив забегаловки останавливается парочка. Джинсы, короткие курточки, ломкие волосы и красные от стужи носы как следствие отсутствия головных уборов. По виду студенты, явно не обремененные лишним налом. Наш контингент.

– По-моему, неплохое местечко, – робко замечает парень.

Девушка манерно пожимает плечиками.

– Как вы считаете, – с интонацией пресытившейся аристократки обращается она ко мне, – здесь вкусно готовят?

И почему это сопливые девчонки обожают выламываться перед своими бойфрендами? Даю голову на отсечение, что дешевая пиццерия – самое крутое заведение, которое она посещала за свою коротенькую глупую жизнь.

– Не хуже и не лучше, чем в других подобных местах, – отвечаю я честно. – Зайдите, попробуйте. Погода – дрянь, хотя бы согреетесь.

Парочка секунду совещается и скрывается за дверьми «Фантастической пиццы». Снова мелькает надсмотрщик-менеджер, одобрительно почесывающий треугольный подбородок. Я поправляю врезавшиеся в плечи лямки чертова плаката. Интересно, в каком институте учатся эти ребята? Я мог бы сейчас быть на их месте: болтаться по вечерней Москве, жрать всякую дешевую дребедень и пребывать в розовой уверенности, что жизнь прекрасна...

– И кому только нужна эта война? – калачиком свернувшись на досках, задумчиво произнес Сайд.

– Известно кому, – злобно ответил кто-то из противоположного угла. – Тому, кто на ней бабки делает. Министрам всяким, генералам штабным.

– Олигархам... – кашлянули из глубины. – Вон, рожи какие нажрали. Нефть же здесь. В этом собака зарыта.

– Верно. Кому война, кому – мать родна...

– Это не война, а «антитеррористическая операция», – весьма похоже прошамкал Макс Фридман.

– Ага, затянувшаяся лет на пятьдесят...

– Выборы скоро. Вот и подумай, кто въедет в Кремль на лихом коне...

– Это Кавказ, – вздохнул Огурец. – Наши кони здесь всегда спотыкались.

– Мы их еще в тот раз могли дожать, – раздался глухой голос Кирилла. – Каким надо быть идиотом, чтобы тогда не сделать этого. Или поиметь с того большую выгоду...

– Жаль, нам с тех бабок ни хрена не достанется, – взгрустнул Гарик. – Эх, погудели бы... Знаете, какие телки у нас в Митине... Приезжайте, на всех хватит.

– Хо-хо-хо... – донеслось со всех сторон.

– А тебя дома кто-нибудь ждет? – зачем-то спросил я у Кирилла. Возможно, потому, что он один лежал молча, но с открытыми глазами.

– Ага. Все шлюхи Тверской.

– А родители?

Он стрельнул по мне недобрым взглядом:

– Я что, похож на тех, кого находят в капусте?

И это был еще один вполне понятный сигнал – не задавай лишних вопросов.

– Ладно, мужики, давайте спать. Завтра подъем ранний...

Я послушно закрыл глаза, но знал, что вряд ли засну.

– Кирилл... – услышал я прерывистый шепот и невольно повернул голову в сторону говорящего. Костик, приподнявшись на локте, напряженно вглядывался в палаточный сумрак. – Кирилл...

– Ну? – нехотя отозвался тот.

– Какая она, смерть?

Я почувствовал, как по груди пронесся легкий холодок, будто чье-то дыхание. Я притаился, замер, точно и мне должно было открыться нечто, какое-то высшее знание, ради коего, быть может, я угодил сюда...

«Какая она, смерть?»

– Скоро увидишь, – отрезал Кирилл. – Спи давай. – И, с головой накрывшись одеялом, отвернулся.

– Но ведь так нельзя... – Костик прошептал так тихо, словно разговаривал сам с собой и боялся, что его подслушают. – Нельзя же так...

– Что? – спросил я так же еле слышно.

– Вот так просто взять и превратить всех нас в убийц... Я не хочу никого убивать. Даже бандитов. Этим должны заниматься милиция, спецслужбы... Я вообще не хочу никого убивать, понимаешь? – Тихий шепот оборвался на всхлипе.

– Может, обойдется... – сказал я, не думая о том, какую глупость сморозил.

Наверное, так успокаивают себя забеременевшие школьницы.

Нас привезли воевать, а значит, убивать. Именно для этого, и ни для чего больше. Костик осознал это скорее, чем я.

Ночью пошел дождь. Над лежбищем Гарика в брезенте оказалась дырка, и его слегка окатило прохладным южным душем. Выматерившись, он подлез к Костику, приказал подвинуться, и тот с обычной безропотностью подчинился. Прошла пара минут, и раздалось сдержанное хихиканье.

– Ты чего? – спросил Костик.

– Мы похожи на педиков, – прогоготал Гарик. «Полета» неразбавленной спиртяги, похоже, еще бродили в его организме.

– Говори за себя, – возмутился Костик.

Но тут неожиданно фыркнул неудавшийся журналист Огурец. А вскоре гоготала вся палатка. Стоило смеху поутихнуть, как кто-то рассказал скабрезный анекдот. Новый взрыв дружного ржания. Даже Костик развеселился. Мне стал понятен истинный смысл «черного» юмора. Кошунствуя, издеваясь над жизнью, смертью и самим Творцом, ту перепрограммируешь свой рассудок на относительно спокойное восприятие того, что до сих пор с ужасом отрицалось как неправдоподобно чудовищное. Смех – единственное, что мы могли противопоставить противоестественной реальности, навязанной нам кем-то по всем правилам циничной взрослой игры, кровавой и потому, вероятно, еще более интересной тем, кто двигает живых оловянных солдатиков...

– А вот еще анекдот. Приходит мужик к врачу, говорит: «Доктор, что-то у меня х... чешется...»

Привлеченные нездоровым весельем, в нашу палатку заглядывали ребята из соседних и, зацепившись, оставались. Пришел и Василий. Посидел, послушал, подымил сигаркой, поскреб давно не мытый затылок и встрял в разговор:

– Помню, у нас был случай. В мае девяносто шестого. Вот так же стояли. Один из новобранцев поссать вышел. На всякий случай с автоматом. Салага был, всего боялся. Вот другой дурак и решил его попугать. Подкрался сзади да как гаркнет: «Иван, сдавайся!» Ну или что-то в этом роде. А тот, не застегивая порток, развернулся да как даст очередь...

В палатке моментально установилась тишина, разрезаемая лишь мерзким, точно пилой по железу, скрипом неизвестной птицы.

– Насмерть? – робко подал голос Костик.

– Естественно, – пожал плечами Василий. – Пол-обоймы... Так что, мужики, давайте без глупостей... Ладно, пойду часок вздремну, а то уж скоро подъем.

Он сладко зевнул и растворился в сыром душном сумраке. А в палатку ленивым студенистым облаком вполз туман, постепенно ширясь, заполняя все пространство своим склизким ме-дузьим телом...

9

День близится к концу. Поболтав с Курсом-Андреичем, кашляющим все сильнее и надсаднее, мы разбрелись в разные стороны.

Но тут вылез наш менеджер, как всегда с прокисшей, недовольной физиономией, и заявил, что я плохо зазываю клиентов. Мне надлежит гоняться за каждым встречным-попечным и приглашать посетить сей чудесный ресторан.

– Может, – говорю, – мне еще и покричать погромче?

– Не помешает, – абсолютно серьезно заявляет он. Наверное, я разучился острить. – Если, конечно, – он пытается сверлить меня глазами, хотя это у него получается откровенно плохо, – тебе еще не надоело работать.

– Если честно... – Я смотрю на него в упор, прямо в черные червоточины зрачков так, что он начинает быстро моргать и некрасиво подергивать кончиком носа. – Если честно... – Мой язык трусливо запинается за зубы. Мне было нелегко найти даже эту гребаную работу... – Я буду стараться.

– Вот и славно, – чеканит он.

Я демонстрирую его тощей спине известную комбинацию с оттопыренным средним пальцем.

Мимо ленивой прогулочной походкой топают трое из тех, кого называют золотой молодежью: щегольские кашемировые полупальто, мягкие штиблеты с вычурными мысками, руки затянуты в тонкие перчатки. Один, неторопливо жующий банан, кивает в мою сторону и нарочно громко произносит:

– Гляньте на этого хот-дога. Работенка что надо – высший сорт. Интересно, где на таких учат?

– В МГУ, не иначе, – радостно подхватывает второй.

Остальные замедляют ход и так же громко, с удовольствием начинают испражняться в остроумии в мой адрес. Наверное, им очень скучно в этот незадавшийся вечер. Я чувствую, как кровь нагревается до невообразимо высоких температур, пульсируя в висках.

Слушайте, ребята, – я стараюсь говорить как можно спокойнее, – у вас что, бабок на более интересные развлечения не хватает?

– Гляньте, – цедит сквозь ровные, белые, как с рекламного ролика, зубы другой, – этот дешевый педрила будет учить нас жизни.

Холодная, мерзкая, как медуза, банановая кожура, мотнув в воздухе щупальцами, ударяется о мою щеку. Троица хохочет. Их настроение явно улучшилось. Они шагают дальше, забыв о моем существовании, навстречу ослепляющим огням дорогих витрин, вкусно пахнущих экзотической снедью ресторанам. Настоящим, куда заказан вход таким, как я, Денис или Гарик, призванным быть лишь оловянными солдатиками для сильных мира, их детей и внуков... И покуда ярость закипает во мне, пижон приподнимает руку. Как по мановению волшебной палочки, останавливается такси, увозя моих противников в неизвестном направлении.

Я сдираю с шеи плакат и швыряю на асфальт, еще хранящий следы вычурных подошв дорогих штиблет. Когда-то я не напал сзади. В школе это считалось западло. Но иногда жизнь меняет правила. И ты нападаешь спереди, сзади, сбоку, как угодно, лишь бы быть первым, и бьешь лежачих, чтобы уцелеть...

Почему я не успел догнать его, пнуть в зад, чтобы на черном тонком кашемире отпечатался след моего раздолбанного армейского башмака?! Я чувствую, как запоздало сжимаются кулаки, раздуваются ноздри, втягивая гарь и смрад посеребренного поземкой столичного центра.

– Слав, ты чего? – Андреич заботливо заглядывает мне в лицо. – Плюнь. Здесь еще не такого насмотришься и наслушаешься.

Он поднимает плакат и пытается вновь водрузить его на мои плечи.

– Отвали! – ору я, отталкивая его.

Губы старикана начинают вздрагивать озадаченно и беспомощно, как у отца. И я тотчас ощущаю неловкость оттого, что зря обидел немолодого усталого человека.

– Извини, Андреич. – Я обнимаю коллегу по работе. – Прости меня, пожалуйста. Только это все не для меня...

– Ты сегодня рано, – говорит мама.

– Я уволился.

– Вот как... Почему? – Она озадаченно смотрит на меня. Можно подумать, все двадцать с хвостиком лет я только и стремился к почетной работе «человека-бутерброда». Неужели даже родная мать считает меня никчемным неудачником?!

– Потому. – Я поспешно скрываюсь в ванной, чтобы ненароком не наговорить гадостей. Включаю холодный кран, подставляю под него руки, с каким-то ожесточенным, до кишечных колик, наслаждением заглатываю ледяные струи... Перед моим взором все еще вихляет омерзительный пижонистый кашемировый зад. Почему я не нагнал его, не дал здорового пенделя?!

– С тех пор как ты вернулся, ты стал совсем другим. Ира тоже так считает.

– Кто?! – Я откидываю засов, мама испуганно отскакивает от расхлобыстнувшейся двери.

– Ира... А что? Разве вы больше не...

– Она звонила?

– Ну да...

– Ты же раньше ее на дух не выносила, – говорю я, яростно вытираясь полотенцем.

– Мы хотим тебе только добра... – чуть не плачет мама.

– «Мы»? Стало быть, женская солидарность в природе существует?

Я крепко обнимаю ее, вдыхая милый домашний запах, и мне кажется, что ее волосы немного сохранили солнечный летний аромат...

«Ничто не вечно...»

– Все будет хорошо. Честное слово. Только сейчас оставьте меня в покое. Пожалуйста.

10

Безуспешно промотавшись еще несколько недель, я все же соглашаюсь на «охрану». Охранять предстоит склад бытовой техники на территории давно остановленного завода. По соседству с нами арендуют помещения еще несколько контор, подкармливающих свору брехучих дворняг. Мой босс, респектабельный господин в стильном, в мелкую клеточку пиджаке и с золотой, в два пальца толщиной цепью, перехватывающей мясистое горло, распоряжается выдать мне «Макарова», при одном взгляде на который мои внутренности тоскливо сжимаются.

– Это чистая формальность, – успокаивает хозяин. – Сам посуди: кто полезет за сковородками или стиральными машинами? Наличности-то здесь нет. Золота и брильянтов тоже. – Он громко ржет над своей остротой. – Вон, напарник твой – вообще мент в отставке. Было бы опасно, он бы тут не сидел. Ну, по рукам?

Я пожимаю протянутые мне волосатые пальцы-сардельки, холодные, как вороненая сталь. Она же застыла и в цепких немигающих глазах босса.

Тем же вечером я выхожу на первое дежурство. Склад не отапливается. Стылый каменный мешок. В комнатке для охраны, правда, есть обогреватель «Де Лонги», кушетка, стол, стул, а также видеодвойка и несколько кассет широкого диапазона выбора: от порнухи до крутых боевиков. Видимо, для поднятия рабочего настроения. Но главное – монитор, соединенный с видеокамерой, спрятанной на улице напротив входа. Наша работа и состоит в том, чтобы ни днем, ни тем более ночью не сводить с него глаз. При появлении чего подозрительного немедленно связываться по сотовому с ближайшим отделением милиции.

Мой напарник, майор в отставке, огромный сумрачный мужик с характерными синеватыми кругами под щелками глаз, прозывается Сан Санычем. Он кричит, зевает, жалуется на погоду, желудок, печень и вредную «старуху» – жену. Днем, когда приезжают оптовики и идет погрузка-разгрузка, мы по очереди стоим в дверях на жутком сквозняке, глядя в оба, чтобы грузчики – эти шустрые малые с честными лицами – ненароком не отгрузили пару ящиков в чей-нибудь сиротливо стоящий за заводскими воротами прицеп. На памяти Сан Саныча подобные случаи имели место, после чего стоимость недостающего товара вычитали из заработка всех трех охранных смен.

Поздно вечером, когда склад закрывается, настроение напарника подсакивает, как ртутный столбик на вынесенном на солнышко термометре. Сан Саныч извлекает бутерброды и припасенное лекарство в виде бутылки «Столичной», широким жестом приглашая разделить скромную трапезу. Я тоже вытаскиваю свой провиант. Днем пожрать толком не удалось, и я голоден, как после пары дней на «передке». От горячительного я сперва отказываюсь, но Сан Саныч мертвого уговорит.

Вскоре выясняется, что, помимо нас, на складе есть еще живые существа – огромные серые крысы, наглые, как студенты на досрочном зачете. Похоже, они считают себя подлинными хозяевами помещения, а нас лишь терпят как незваных гостей. Потому передвигаются почти в открытую, презрительно поглядывая в нашу сторону угольками-глазенками. При виде их омерзительных облезлых грязно-розовых хвостов меня начинает трясти. К этим тварям я испытываю инстинктивное отвращение и ненависть, сравнимую разве что с ненавистью к войне...

«Вертушка» не торопилась за «грузом 200». Под ласковым летним солнышком тела, сваленные в овраг, даже присыпанные сверху землей, начинали быстро разлагаться. Стоял невыносимый смрад. И тогда полчища жадных до скорой поживы крыс устремились на тлетворный запах смерти. Мы били их лопатами, а они огрызались в ответ, и их густая

бордовая кровь смешивалась с почерневшими изгрызенными внутренностями наших вчерашних товарищей. А потом прибывали все новые и новые твари...»

– Та смена их подкармливает, – говорит Сан Саныч. – Идиоты. Говорят, что иначе они озвереют и начнут бросаться. Травили их, травили... Бесполезно. Кот сдох, а этим хоть бы хрен. Давеча пошел в сортир – сидит тварь на «очке». Здоровая, с дворняжку размером. Скажется, сука... Еле согнал. Может, они нам сортир платным сделать решили? На, жри, гадина, чтоб ты подавилась... – Он ломает кусок от колбасы и швыряет в дальний угол. Тотчас туда устремляется серая стая. – Мочить их надо в сортире, как террористов...

Я беру «ПМ». Мои пальцы – оголенные нервы. Они чувствуют каждый сантиметр отполированной стали, как руки пианиста – клавиши. Эту музыку я могу сыграть с закрытыми глазами в любое время дня и ночи... Хлесткие щелчки смешиваются с предсмертным писком. По серой стене размазана кашица из кроваво-белесых жирных внутренностей.

– Ты чё наделал? – ошалело смотрит на меня Сан Саныч. – А убирать кто будет?

Я молча наливаю полный стакан водяры, выпиваю одним махом. Дрожь уходит, уступив место жидкому огню. Наливаю в ведро воды, беру швабру и смываю крысиную требуху. Потом зачем-то долго тру руки хлоркой. Вдруг меня подкашивает ватная слабость, близкая к обмороку. Я склоняюсь над клозетом, изрыгая в его мутное чрево водку вперемешку с трупным смрадом... Когда я вновь появляюсь в нашей каптерке, Сан Саныч глядит на меня с нескрываемым восхищением. Он долго трясет мою руку.

– Молоток.

Я понимаю, что это слово в его устах – высшая похвала.

Я-ничего не рассказываю ему о произошедшем со мной в туалете. Как и о том, что едва ли не больше, чем крыс, ненавижу и страшусь эффективного орудия их недавнего уничтожения, по-хозяйски расположившегося сейчас на стуле и дружески подмигивающего мне единственным черным глазом...

Утром около шести, первым, позевывая и почесываясь, ушел в густой туман разведдозор. Вскоре, связавшись с ними по рации, снялся с места десант. Настала наша очередь. В колонне было около тридцати машин. Гарик тотчас вскарабкался на ближнюю и, приняв геройский вид, попросил Огурца его заснять. Похоже, они ладили. «Старички» посмеивались, словно взрослые дяди, наблюдающие за невинными детскими забавами. Появился заспанный Василий и объявил Кирилла старшим по средним девяти машинам. Оказалось, он, Кирилл Смирнов, – капитан милиции. Моя голова гудела от недосыпания. Тело бил озноб то ли от нервов, то ли от сырого тумана. Да еще, как назло, невыносимо свело живот. Содрогаясь от унижительной слабости, я бросил беглый взгляд на сумрачные лица окружающих и, стараясь не привлекать внимания, отбежал в ближайшие кусты, жалея, что не могу отсидеться в них до конца оставшегося срока.

– Что, урался не вовремя? – приветствовал меня Гарик на борту «Урала».

Я послал его подальше. В углу кемарил Денис. Макс, вздохнув, пожалел, что у него нет с собой гитары, на что Денис, приоткрыв один глаз, отозвался:

– Слава богу. Меня уже тошнит от «Хрустальных замков» и «Упоительных российских вечеров».

– Тошнит – иди поблужай, – беззлобно парировал Макс.

Но Денис уже вновь погрузился в дремоту. Мне бы последовать его примеру, но я не мог.

– Как он может спать? – жалобно удивился Костик.

– Не волнуйся, – встрял какой-то незнако- _мый смуглый парень со странным затаенным блеском темных, с прищуром, глаз, выговором и обликом смахивающий на местного. – Мы его разбудим, когда начнется что-нибудь интересное.

– Контрактник? – спросил его Кирилл.

– Нет. А ты?

– Тоже нет.

Они обменялись внимательными взглядами, и словно каждый прочел в глазах друг у друга родственное. Не сговариваясь, как по команде, протянули друг другу руки. Смуглый парень представился Алексеем.

– Откуда? – поинтересовался Кирилл.

– С Первомайского.

Грузовик тряхнуло на кочке. Денис приоткрыл один глаз и сонно пробормотал, все еще находясь во власти полусонных грез:

– У моей Машки скоро день рождения. Год.

– Дочке? – неожиданно оживился Сайд. – Это здорово. Хорошо, когда рождаются дети. Вот нас в семье трое, две сестры у меня, старшие. И у меня будет трое. Или четверо.

– *Жену пожалей, – фыркнул Макс.

– Не, – легко возразил Сайд. – Ничего ты не понимаешь...

Было более чем странно слышать от него такое. До сих пор если Сайд и говорил о женщинах, то исключительно на языке поручика Ржевского: «Вернусь, найду бабу, во-от с такими сиськами, и буду трахать день и ночь...» Что обычно вызывало общее веселье, ибо внешностью маленький, скуластый, узкоглазый татарин, мягко говоря, не вышел. Вот и тогда Макс принялся вовсю подтрунивать над ним, предполагая, что, если родятся девочки и будут похожи на отца, родителей ожидают большие проблемы с поиском женихов.

Слушая их беззлобную пикировку, я пытался думать об Ирке, но в памяти отчего-то возникали лишь цветастые, пахнущие «Ленором» простыни... И вдруг я впервые позавидовал Денису. Тому, чего я и мои сверстники боялись пуще слезу, но единственному реальному, за что сейчас, когда мир вокруг грозился перевернуться вверх тормашками, возможно было зацепиться, тому, что давало возможность оторваться хоть на миг от этой тряской дороги в неизвестность, – родной крови, Семье.

А с другой стороны до моего уха долетал совершенно иной разговор.

– Нечего было нам вообще сюда соваться. Никогда. Жили они, как аборигены в Африке. По своим законам. Мы чужие для них, а они для нас. Так всегда было, и так будет. И нам их не понять и не переделать ни через сто лет, ни через двести... – Алексей стиснул челюсти, точно хотел раздавить невидимый орех и собирался добавить что-то, но рация Кирилла угрожающе зашипела.

Тот послушал и недовольно сморщился:

– Не нравится мне этот туман. И тишина не нравится.

– Что тебе передали?

– Разведка молчит.

– Хреново. – Алексей внутренне подобрался, раздувая ноздри, словно почуявший охотника зверь.

Откуда-то сверху донесся заунывный, похожий на комариное пение звук.

– Полетели, – махнул рукой Кирилл. – По нас бы не долбанули.

– Как это «по нас»? – из темных недр кузова тоненько подал голос Костик. – Мы же свои.

– Сверху фиг разглядишь, где свои, а где чужие, – равнодушно успокоил Алексей. – Да ты не дрейфь, малый. Я вот уже пятый год в состоянии войны и, как видишь, жив-здоров. И еще повоюю.

– Как «пятый»? Мы же после девяносто шестого не воевали...

– Так то вы, – усмехнулся Алексей, и в черных глазах его вновь загорелись недобрые огоньки. – А у меня здесь свои счета...

Помню, мне тогда подумалось, что, по крайней мере, среди нас есть хоть один человек, который твердо знает, для чего он здесь и что ему делать... Только один...

– Значит, на войне побывал... – не то спрашивает, не то констатирует Сан Саныч.

Я молча киваю. Меньше всего мне хочется отвечать на очередную порцию дурацких вопросов. Но Сан Саныч ни о чем не спрашивает. Некоторое время чадит «примкой», а потом, глядя в пустой дверной проем, изрекает:

– Я тоже в свое время. В Венгрии... – Он помолчал, затем произнес: – Эх, парень, что ж за страна у нас такая, где так живых не любят... Ладно, Славик, – его плывущий взгляд ухватил остатки «Столичной» в тускло поблескивающем сосуде, – давай на посошок. За мир во всем мире.

Дежурство и впрямь прошло тихо и мирно.

– Ну, давай, напарник, до скорого. – Сан Саныч пожимает мне руку, и мы расходимся, каждый в свою сторону. Он топает к местному универсаму с дешевым винно-водочным отделом. Меня же засасывает гудящая, как «Шмель», пахнущая дымом воронка метро.

Ступаю на чертово колесо эскалатора. Стены рябят рекламными щитами, призывающими встретить грядущее тысячелетие в Англии, на Канарах или, на худой конец, прихралившись в только что открывшемся бутике, подушившись новым парфюмом от Диора, отужинать в модном французском ресторане...

А внизу, эхом отдаваясь от каменных стен, металлический голос объявляет:

«На прибывающий поезд посадки нет...»

11

Местное диско «Пещера», куда все же вытаскивает меня Ирка, переделано из бывшей подвальной котельной и вполне оправдывает свое название. Низкие потолки, тесный зал, тусклые стены, на которых сохранились как экстравагантное украшение солитеры толстых труб. Еще на подходе воздух насквозь пропитан клубами стелющегося сигаретного дыма, смешанного с едким запахом пота, духов и дезодорантов. Наверху, прямо над головой, мотается стеклянный шар, разбрызгивая снопики света по стенам и углам, где и гнездились подданные парочки. Музыка лупит по барабанным перепонкам, вызывая страстное желание расколотить всю эту аппаратуру к чертовой матери.

Едва перешагиваю порог, как в глаза бьет яркий зеленый свет.

«Ракета!»

Я шарахаюсь в сторону, влипаю в стену, наступив на чью-то ногу. Владелец отдаленной ноги, взыв, забористо матерится. Я оттираю липкую ледяную влагу со лба. Перевожу дыхание.

Какая к чертям собачьим ракета?! Когда он уйдет, этот проклятый, унижительный животный инстинкт самосохранения, превращающий меня, нормального современного парня, в последнего дикаря?!

Ирка тем временем тянет вперед. Машет кому-то рукой, называя Бомбосом. Смутно припоминаю, что это кликуха одного из доармейских приятелей. Кажется, это было так давно, будто и не было вовсе.

– Какие люди! – орет он на весь зал. – И без охраны! Костыль, гребни сюда!

Мы подходим к стойке, заставленной пустыми стаканами и банками. Мои глаза привлекают к полумраку, я узнаю лица. Пожимаю взмокшие ладони.

– Значит, оттрубил? Молоток!

Меня со всех сторон хлопают по плечам. Тощий рыжий парень по прозвищу Дрына, радостно ощерясь, сует мне бутылку «Балтики». Когда-то я увел у него Ирку. Но похоже, он не в обиде. Обнимает томную губастую блондинку, потягивающую коктейль, и рассказывает, что учится в Финансовой академии на коммерческом. Что-то тренькает. Откуда-то из области ширинки Дрына достает мобильник, зажав свободное ухо, начинает что-то кому-то доказывать, пытаясь перекричать грохот децибелов.

Какая-то девчонка, хихикая, виснет на Бом-босе. У нее по-детски пухленькие щечки, кудряшки на висках и рассеянный блестящий взгляд круглых каштановых глаз. Похоже, здорово набралась. Непонятно почему, меня это коробит. Мне довелось повидать столько, мягко говоря, нетрезвых людей, что впору составлять галерею образов. Но среди них не было деток-малолеток... Я рассуждаю, как замшелая старуха на лавке около подъезда. Глупо.

Ирка прикуривает у девчонки, называя ее Светик.

– Гляди, детка, – указывает Светику на меня пальцем Бомбос. – Среди нас герой войны. Выкладывай, сколько фрицев уложил? Или как вы их там называли?

Я молчу. Внезапно, откуда ни возьмись, накатывает такая злость, что кулаки сжимаются сами собой. Так бы и засветил этому жирному козлу промеж глаз. Неужели я водил дружбу с этим уродом? Неужто я был одним из них?!

– Я с чеченцами не знакомлюсь, – гордо заявляет Светик, кокетливо поведя блестящими каштанами в мою сторону. – Принципиально.

– Умница моя, – щиплет ее за тугую щечку Бомбос. – Патриотка.

Наговорившийся по мобильнику Дрына с заговорщицким видом берет меня под руку.

– Слушай, Костыль, мне тут один чувак денег должен... Не сможешь по старой дружбе?

– Когда это, – говорю, – я выбивал долги?

– Ну, ты ж теперь...

– Мальчик. – Я отстраняю его руку. – Ты что-то перепутал. Я был в армии, а не на зоне. Понял?

Я стараюсь быть спокойным, но последнее слово получается несколько громче остальных. Возможно, тому виной невыносимый музыкальный шум, от которого медленно, но верно начинает ломить виски. Я опрокидываю пиво, но лучше не становится. Сейчас бы грамм сто...

Иду к бару, беру еще два пива.

– Я думал, чего покрепче возьмешь, – будто читая мои мысли, базарит прицепившийся как клещ Бомбос. – Солдат удачи. Пушку-то с собой не привез?

– Целых две, – говорю.

Глаза Бомбоса загораются парой фонарей.

– Н-ну... – оттащив меня в сторонку, шепчет он, брызгая слюной мне в ухо. – Ты серьезно? Продай, а?

На кой тебе? – не удержавшись, интересуюсь я.

– Да так... – Он пожимает плечами. – На всякий пожарный. Круто же! Иду, например, ночью, подгребает шпана, а я их!

Он стискивает зубы, раздувает ноздри и прищуривает глаза, видимо считая себя неотразимым героем боевика. Мне становится смешно и противно. Какого черта я здесь делаю? Да еще этот кретин...

– Ты думаешь, это так просто – выстрелить в человека?

– Но ты же сумел! – шипит он, приближаясь вплотную, словно хочет подпитаться от меня некоей энергией. – Скажи, тебе было страшно? Что ты чувствовал? Ну, Славка...

Я вижу прямо перед своим носом его слюнявые дрожащие губы, распахнутые масляные глазки, горящие омерзительным возбуждением. Тем же, что и у Ирки в наш первый и последний раз после...

– Пошел ты! – Я отталкиваю его потное, пропитанное тошнотворно-приторным запахом одеколона тело. – Отвали, слышишь?! Придурок!

– Это ты придурок! – фальцетом выкрикивает Бомбос. – Тоже мне, герой! Полтора года говно месил, пока другие учились и работали!

Видимо, он что-то прочел в моих глазах, поскольку осекся, отшатнувшись. И даже приподнял ладошку, нелепо, как баба, ожидающая пощечины. Чуть-чуть, самую малость, но мне и этого хватило, чтобы переварить злость и отвращение. Пусть он катится к чертям вместе с этим вонючим кабаком... Хватит с меня боев...

Локтями пробивая дорогу, с шумом выплевывая из груди перегретый воздух, я вылетаю на улицу, оставляя за спиной недовольные возгласы:

– Куда прешь?!

И сочувственные:

– Перегулял...

Следом выскакивает взъерошенная Ирка:

– Что случилось?

– Я ухожу.

Она обиженно дуется:

– Почему? Еще рано...

– Если хочешь, можешь остаться.

– Ты прав. – Она обольстительно улыбается, поправляя волосы, хватая меня за локоть. – Здесь, конечно, не тот уровень. Нужно выбраться в более приличное место. Как насчет «Тропи-каны»?

– Посмотрим, – говорю уклончиво, стараясь погасить раздражение.

В последнее время Ирка не вызывает во мне никаких чувств, кроме этого. Что это? Неужели так и уходит любовь? Тихо, незаметно, по-английски... Тогда какой во всем смысл? Кто мне скажет? Кто знает? Я – нет...

– Идем, я тебя провожу.

В расширившихся глазах недоумение.

– Ты не зайдешь?

– Не сегодня. Извини.

– Почему?

– Голова болит.

«Какое твоё дело? Я что, уже должен отчитываться?!»

– Тогда я ещё здесь побуду. Ты не против?

– Нет. Почему я должен быть против?

– Ну-у, – томно тянет Ирка. – Все-таки я – твоё девушка... Что, если ко мне начнут приставать?

– Бей по яйцам и кричи «Пожар!».

Мне противны эти ужимки, тупая, бесполезная болтовня, называемая женским кокетством, убивающая на корню остатки желания. Сейчас я бы с куда большим удовольствием трахнул молчаливую дырку в заборе.

– Ты стал таким грубым, Славик... – Иркин взгляд становится холодным и колючим.

Она кутается в шубку коричневого меха. Норку. Наверное, она права. Вряд ли во мне прибавилось джентльменства.

– Извини. – Я чмокаю Ирку в сухие прохладные губы. – Не обижайся, ладно? Я позвоню.

На самом деле, как никогда, хочется послать её ко всем чертям.

Она что-то буркнула вслед. Я не расслышал, что именно, но не стал оборачиваться, чтобы переспросить.

12

Троллейбус в это время полупуст. Пожилая кондукторша шумно сморкается в большой платок. Ее глаза слезятся от простуды. Я протягиваю монеты, засовываю в карман клочок бумаги, дающий право на проезд в этом городском транспорте. Отчего-то летом в троллейбусах всегда топят. Причем чем жарче лето, тем сильнее шпарят батареи. А зимой железные коробки неизменно превращаются в стылые гробы.

На остановке напротив стадиона «Локомотив» в заднюю дверь с шумом и смехом забирается компания: трое ребят чуть моложе меня и симпатичная девушка в коротенькой курточке и кожаных брючках в облипочку. Они потягивают пиво. Мороз им явно нипочем. Я смотрю на них, невольно завидуя беззаботности, брызжущему через край юному задору, мальчишеской развязности... Всему, что так скоро и безвозвратно покинуло меня.

Кондукторша подходит к ним. Между ней и высоким рослым парнем, судя по всему лидером, завязывается спор, переходящий в перепалку. Голос парня становится все громче, так что я различаю крепкие выражения. Он нависает над женщиной как скала, осыпая ее отборнейшей бранью. Сжавшись, она подается назад, беспомощно оглядываясь на кабину водителя.

– Я сейчас скажу, чтобы вас высадили, раз вы не хотите платить.

– Попробуй. Я тебе... – Парень добавляет пару разухабистых выражений.

Компания одобрительно гогочет. Девушка громче всех. Почему-то именно этот звонкий, с переливами, женский смех приводит меня в состояние тихого бешенства. Я засовываю кулаки в карманы.

Народ, немногочисленный пассажирский люд, как всегда, безмолвствует, уткнув носы в свои шарфы, воротники, газеты. У пожилой кондукторши мелко трясутся пальцы в рваных перчатках. Я поднимаюсь, подхожу к веселой компании. В упор смотрю на девушку. Она наконец-то закрывает рот, оборвав свой идиотский смех на высокой ноте.

– Эй, – парень толкает меня в бок, – ты чё, неприятностей ищешь? Ща найдешь. А ну, вали...

Он хотел добавить что-то еще, но лишь громко взвыл, потому что в тот самый момент я заломил руку ему за спину. Компания озадаченно попятилась. И лишь девица заверещала тоненько:

– Пусти его, ты...

– Закрой рот, дура. Дома поучишь своего дружка вести себя в общественном месте. А пока он извинится перед кондуктором и купит билет.

Лицо парня искажает гримаса ненависти.

– П-пошел ты... – шипит он, морщась.

– Нет, – возражаю я, – пойдешь ты.

Дверь как раз открывается. Я даю парню хорошего пинка, и он, пролетев через ступеньки, шлепается на тротуар. Следом выпрыгивает девица и, склонившись над кавалером, посылает вслед мне и троллейбусу самые изысканные проклятия.

Я поворачиваюсь к притихшей компании.

– Билеты, – говорю, – живо!

– У нас студенческие... – вытянувшись по стойке «смирно», поспешно рапортуют они.

– А у того урода?

– Тоже...

– Так какого черта? – озадаченно спрашиваю я.

Я действительно не понимаю. Какой особенный кураж в том, чтобы оскорбить и унижить больную пожилую женщину, вынужденную за гроши с утра до ночи наматывать версты в этом дурацком троллейбусе?

Они опускают глаза. И тихонько выползают на следующей остановке.

– Ладно, старики сейчас злые, – вздыхает кондукторша. – Ну а молодежь-то отчего? Ведь с виду здоровые, благополучные, все впереди...

Я не знаю, что ответить. Я слишком много не знаю и не понимаю. Даже того, что прежде казалось простым как подорожник. Я вдруг ловлю себя на мысли, что не испытываю никакой радости от этой долгожданной свободной мирной жизни...

Я не сразу понял, что произошло, когда туманную тишь разорвал оглушительный грохот, переросший в чудовищную какофонию разрывов и бабаханий и над последним БТРом взметнулся огненный столб.

– Началось! – рявкнул Кирилл, хватаясь за автомат. – Все вниз! Вниз, мать вашу! – проорал он снова, бешено вращая потемневшими глазами, мало чем напоминая недавнего спокойно-сурового парня. – Засада!

Я соскочил, неловко подвернув ногу, ткнулся ладонями в вязкую земляную кашицу. К оглушительному грохоту разрывов прибавился сухой пулеметный треск. В полуметре от меня вздыбились, отплевываясь коричневыми комьями, придорожные холмы.

– Господи, – шептал я, прижимая к себе автомат и гранаты, забыв, для чего они предназначены, выплескивая сковавший меня ужас в единственном слове, – Господи...

Я никогда ни во что не верил. Даже в наивные студенческие приметы. Да и сейчас меня трудно назвать истинно верующим. Но я не могу объяснить, отчего в тот момент произносил именно это слово...

– Господи...

– А-а... – вдруг услышал я справа порывистый вздох, будто кто-то сильно удивился происходящему. Я обернулся и увидел Костика. Привалившись к колесу, он дернулся несколько раз, будто его сводило судорогой, а затем медленно, полубоком, зарылся щекой в грязь. На миг я забыл обо всем, неотрывно глядя на аккуратную, с обожженными черными краями дырочку прямо посреди юношески-угреватого лба, из которой сочилась тоненькая красная струйка, затекая в широко распахнутый глаз, огибая нос и смешиваясь с землей.

– Костик, – прошептал я, тормоша его за плечо, упрямо отгоняя чудовищную мысль, – ты чего? Вставай...

Его полуоткрытые губы быстро серели, будто чужая алчная земля, подобно вампиру, высасывала их живой цвет. Я шарил по карманам в поисках платка, но не нашел и рукавом попытался вытереть эту бордовую змейку, но лишь сильнее размазал кровь по лицу, превратив его в кошмарное подобие индейской маски.

– Костя! – завопил я во весь голос, стараясь перекрыть шум войны. – Вставай, так же нельзя!

Но он не отзывался. И я вдруг осознал – мой товарищ мертв. Мы не были слишком дружны, но тогда я впервые ощутил настоящую боль, будто вместе с ним билась в агонии, погибая на грязной земле, часть меня самого. Одна из пуль звякнула о диск колеса в паре сантиметров от моей головы, напомним: следующим могу быть я. Тогда я оставил Костика. Я уже не думал ни о чем, утратив напрочь эту человеческую способность. Я подчинялся лишь слепому инстинкту выживания, внезапно пробудившемуся во мне. Я заполз за колесо. Оттуда выглянул, но никого не увидел. Только камни да раскидистые кусты вдоль дороги. Это напоминало дурацкий ужастик: местные призраки уничтожали забредших на их территорию людей. Только это не было фильмом... У меня промелькнула чудовищная мысль: все наши убиты. Я остался один... Вжавшись изо всех сил в дорожную грязь, я в каком-то

странном оцепенении смотрел, как тонкие солнечные лучи прорезают туман, а в паре метров от меня вдоль дороги растут маленькие желтые цветы...

Вдруг прямо надо мной раздалось глухое «бум-м» и треск загоревшегося брезента. Стало жарко. Воздух вокруг превращался в прогорклый сизый дым, Кашель душил, выворачивал наизнанку, а глаза, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит. Это вернуло меня к ужасной действительности. Я не хотел изжариться под проклятой машиной! Я обернулся на Костика, но увидел только его острые коленки и большие, не по размеру, сапоги, торчавшие из-за колеса. Я не мог оставить его там. Мое сознание расколослось надвое: одна часть, гонимая животным инстинктом, изо всех сил протестовала этому безрассудству – Косте уже не поможешь. Вторая же, упрямая, человеческая, рвалась в черный дым, к тому, что осталось от моего друга. Вонь становилась нестерпимой. Над головой затрещали доски. Задыхаясь, я сделал рывок навстречу солнцу и ветру. В жухлую придорожную траву, ударяясь макушкой о небольшой валун. В сантиметре от моих глаз разбегались в стороны потревоженные муравьи. Исторгнув из легких удушливый дым, я вдавился в землю, всем своим существом растворяясь в ее терпком утреннем испарении. Я хотел слиться с ней, стать ее частью, ее былинкой, букашкой, чтобы юркнуть в трещинку, стать плоским, как камбала, незаметным для невидимого разъяренного врага... Я больше не хотел быть человеком...

И тут я увидел Кирилла. С ручным пулеметом наперевес, полуползком-полубегом он приближался ко мне. В глазах – холодный яростный блеск. Мое сердце готово было выскочить из груди от неожиданно свалившегося счастья. Я не один! Я показал ему на горящую машину и хотел сказать, что Костик убит и остался под ней, а я не стал его вытаскивать... Но не сумел произнести ни слова: горло свело судорогой, я заглатывал горькую пыль, чувствуя, как дергаются, кривятся губы и щеки, и никак не мог остановить этой нелепой мимики.

– Пригнись! – крикнул Кирилл, ударяя меня по затылку так, что снова я ткнулся лицом в колючую траву и крохотные острые камешки. – Возьми себя в руки, мать твою!

Он снова выругался забористо, многоэтажно. И как ни странно, это привело меня в состояние относительного равновесия. Я почувствовал, что могу постепенно двигаться и даже немного соображать.

– Те камни видишь? – Он указал стволом в поросшие редкой зеленью серые глыбы. – Щель между ними? Туда целься, понял? Давай! – И сунул мне в руки мой собственный автомат.

Я покорно кивнул. Получеловек-полузомби, я был готов выполнить любой приказ, лишь бы остаться в живых. Я хотел крикнуть, чтобы Кирилл не уползал, потому что боялся снова остаться один, но он уже растворился среди пыльных кустарников придорожной зелени. За спиной что-то громко ухнуло. Я догадался: пушка на уцелевшей соседней «бэхе». Ну, слава богу, очухались! В показанной Кириллом щели и впрямь мерцала искорка огня. Вот тогда-то я впервые понял истинный смысл слова «мишень». Мне больше не нужен был мифический образ врага. Он материализовался в зазор меж отвратительными валунами, в тусклый каменный глаз, поразивший моего друга. И я стрелял в него. Тщательно. Прицельно. Как на учениях. У меня были самые высокие показатели...

И тут произошло то, что заставило меня прекратить огонь. Призраки материализовались в людей, одетых, как и мы, в камуфляжную форму. Они бежали к нам, строча из автоматов, что-то выкрикивая. Кто-то падал. Кислый дым горящего «Урала» делал меня невидимкой, и теперь уже я стал для них призраком. Я знал, что тоже должен стрелять. Потому что именно они, а не неведомые злые силы убили Костика, и не только его, и хотят уничтожить меня и всех нас... Они становились все ближе. Живые теплые люди, противники, мишени...

«Давай!»

Я смотрел на них, я уже мог разглядеть их темные от южного солнца лица. Я видел сквозь закопченную траву перепачканный кровью лоб Костика, злобный оскал Кирилла.

«Давай, мать твою!»

Я призывал к себе спасительную ненависть, желая изо всех сил, чтобы мы стали одним целым: я, она и мой автомат, вытеснив впитавшееся с материнским молоком *«Неубий»*... И почему-то в последний момент, когда, зажмурившись, вдавил всего себя в курок, в положение «очередь», сквозь возобновленную дробь вспомнил начальные слова клятвы Гиппократата... Я вновь распахнул глаза и сквозь травяной частокол смотрел, как, запнувшись на бегу, ставшие мишенями люди падали в желтые цветы...

А потом я услышал страшный грохот, и неведомая сила расколола на неравные части издевательски голубое небо, стремительно меняя его местами с обломками черной земли...

Едкий аммиачный запах ударил в нос. Я отшатнулся, закашлялся, замотал головой, разлепляя веки. Передо мной, как в замедленной съемке, проплывало лицо Кирилла в окружении закопченных цветов. Кирилл зачем-то показывал мне два пальца и спрашивал:

– Сколько пальцев?

– Десять, – сказал я, отталкивая его руку и пытаюсь подняться.

Тупая ноющая боль моментально ударила в затылок, опоясывая виски и почему-то отдавая в правую голень.

Сдерживаясь, чтобы не застонать, я посмотрел вниз. Мой ботинок был разодран сбоку. И в этой прорехе нога – темно-красная от крови. В тот момент я все вспомнил: засада, стрельба, взрыв... Кость не задета. Это я смог понять даже с моими скудными медицинскими познаниями. В аптечке нашел спирт, промыл рану, перебинтовал. Прямо передо мной дымился почти догоревший остов опрокинутого на бок «Урала»...

Все пространство от дороги до смертоносной поросли и камней было вспахано воронками взрывов, усеяно телами и частями тел в окровавленных обрывках камуфляжей. Меж них прохаживались несколько наших из «старичков». Периодически они поднимали за руки и за ноги чье-то тело и тащили в хвост разбитой колонны. Кто-то, склонившись над очередным трупом, шарил по карманам. Кто-то собирал оружие. Алексей просто бродил, всматриваясь в лица погибших, словно кого-то искал и не находил. Меня вдруг замутило и вырвало похожей на земляную кашицу бурой желчью, остатками прогорклого дыма. Топая, пробежал Василий с криком:

– Отправляемся! Есть еще живой водитель?

– Есть... – хрипло отозвался мусоливший погасший окурок Денис и, ссутулившись, побрел в начало колонны.

Я подобрал разодранный башмак, вскарабкался в другой уцелевший «Урал». Следом забрался Гарик. Трясущимися руками он достал странную длинную сигарету, каких я прежде не видел, и, усевшись напротив, отрешенно глядя в никуда замутненным взглядом, жадно раскурил. Под брезентовым сводом стелился муторный сладковатый запах, напоминающий кремационные пары. Залез Огурец, впрямь зеленого цвета. На его поясе не осталось ни запасного «бэка», ни гранат. С неестественно спокойным лицом он произнес, обращаясь ни к кому конкретно:

– К-кам-меру р-разбили. Ж-жаль...

– Какую камеру?! – завопил Гарик, подскочив к Огурцу, хватая его за грудки и судорожно встряхивая. При этом самого его не переставала колотить дрожь, и сигарета прыгала в почерневших губах. – Нас половина осталась! Слышишь ты, придурок?! Половина!

– Заткнись! – фальцетом выкрикнул Огурец, отрывая Гарика от себя и швыряя обратно на деревянную скамейку. – Сам ты придурок! Пошел в задницу!

Как ни странно, Гарик и вправду затих, заслонив лицо руками. Огурец снял с себя автомат, положил рядом. Затем вытащил камеру из сумки и бережно, как ребенка, погладил ее бока. А затем убрал и, достав мятый клетчатый платок, не поднимая глаз, словно устыдившись их влажного блеска, принялся протирать запотевшие стекла очков.

Уже на ходу запрыгнул Кирилл.

– Ты извини, – сказал он мне вполголоса, – за то, что я тебя тогда по затылку треснул. Боялся: выскочишь. Так часто бывает с новичками.

– Наоборот, спасибо.

– На, держи. – Он протянул мне почти новенькие ботинки.

– Чьи они? – зачем-то спросил я сдавленным шепотом.

– Теперь твои. Надевай, а то гангрену натрешь.

– Я не могу...

– Можешь... – Он посмотрел на меня усталым взглядом светло-пепельных глаз, как учитель глядит на неразумное дитя. – Человек вообще поначалу не подозревает, на что способен...

– А где Костик? «– задал я последний вопрос.

– В «Урале». Среди «двухсотых».

Он замолчал и закурил. Моя рука сжимала голенища чужих ботинок, еще хранивших тепло первого хозяина. Его уже не было, а вещь продолжала существовать. И быть может, кто-то воспользуется ею, если вдруг и меня не станет... Зато следом за Костиком я узнаю, какая она – смерть...

«Война скоро закончится для меня...»

Тогда я заплакал. Впервые за много лет. Меня сотрясали рыдания. Я закусил край рукава, чтобы не реветь в голос. Никто не трогал меня, не осуждал, не пытался успокоить. И я за это был благодарен. Я оплакивал наших ребят, с которыми еще вчера мы вместе пили, ели, строили планы... Ставших теперь «грузом 200». Утративших на время, вместе с жизнью, и имена. Они обретут их позже. На могильных памятниках. Те, чьим телам повезет добраться до дома. А остальные останутся лежать под обманчиво ласковым южным солнышком, пока не будут скинуты в овраг и засыпаны чужой жирной, кишащей жадными на мертвечину мелкими тварями земель. Что же будет с их душами, если такие существуют, я не знал...

Я оплакивал и себя, расколотого взрывом на две неравные части. Мои розовые надежды, юношеские иллюзии, родительскую философию о том, что «все к лучшему». Мое завтра, которого может не быть...

Я плакал, а колонна продолжала свой тряский путь. Где-то в горах гремело и ухало, и непонятно было, то ли это эхо войны, то ли летняя гроза...

13

Магазин, где работает Ирка, уже закрылся, но внутри горит свет. Я захожу с черного хода. На нос падает холодная дождевая капля, словно вопрошая: «За каким чертом ты здесь?»

Действительно, за каким?

Как-то на днях я позвонил Ирке. Не знаю зачем. Я солгал бы, сказав, что безумно соскучился, хотел ее услышать... Ни то ни другое. Но все же я позвонил, споткнувшись о ее холодное «Алло?». Она скорее удивилась, нежели обрадовалась моему звонку. Спросила, как дела. Нашел ли я работу. И сколько мне будут платить. Потом минут десять рассказывала о каких-то туфельках, не то Гучи, не то Пердуччи... Я смотрел за окно. Там что-то противно капало. И голос в трубке отдавал мне в висок назойливым туканьем. Зачем я позвонил? Я все еще не был готов к тому, что прежде называл любовью...

Ирка о чем-то спросила, а я не сразу понял. Она повторила раздраженно:

– Когда мы туда сходим?

– Куда?

Оказывается, она говорила о каком-то новом модном клубе. Я ответил уклончиво:

– Посмотрим.

Мне вовсе не хотелось тащиться в клуб и оставлять там ползарплаты за сомнительное удовольствие подергаться на диско с потными, возбужденными великовозрастными тинами. Странно, что когда-то мне это нравилось – грохот музыки, все равно какой, лишь бы погромче, горячие колени, прижатые к моим, шаловливые пальцы на моей... Нет, все не то. Холодно. Как в старой детской игре.

Ее голос засвистел в трубке ледяным ветром. Но мне было наплевать. И я попрощался.

Это было недели две или три назад... Время между «сутками» сливается для меня в одну засвеченную пленку с перерывами на ночные кошмары... Иногда я таскаю снотворное из аптечки. А мама делает вид, что не замечает. Однажды она пыталась поговорить, но я к этому не был готов. И игра во «все в порядке» продолжилась. Впрочем, мне иногда кажется, что все действительно в порядке. Просто я немного изменился, только и всего. Кризис очередного переходного возраста...

– Я устал, – спокойно говорю я. – Было трудное дежурство.

И мама верит мне. Или делает вид.

Иногда звонят друзья. Из той, прежней жизни, жизни *до*... Их голоса, рассказы, как бесполезный шум, не воспринимаются моим мозгом. Они не кажутся мне теперь ни интересными, ни важными. Я путаю имена и события, отвечаю невпопад на вопросы, потому что не слышу их, и постепенно телефон перестает доносить меня своей пустой никчемностью.

И тогда наступает тишина... Густая, безысходная, тягучая и зловещая, как горный туман. Заставляющая выходить из дома и брести неизвестно зачем, в никуда...

Я двигаюсь бесшумно, как кошка. Не специально. Просто это стало нормой моей жизни.

«Чё ты растопался, как слон? Захотел пулю промеж глаз? «Чехи» не глухие...»

Голоса. Мужской и женский. Женский принадлежит Ирке.

– Ты сказала ему про нас? – спрашивает мужчина.

– Я не смогла... – В Иркином звучат виноватые нотки. – Он пришел так неожиданно. И был таким странным. Мне показалось, у него с головой не все в порядке. Ну, после Чечни... Я побоялась, мало ли чего...

– Ты спала с ним?

– С ума сошел! Как ты мог подумать...

Я шагаю из темноты в прямоугольную камеру торгового зала. Они разом умолкают, резко оборачиваются. Ирка и тот рыжий хлыщ в стильном пальто. Ирка отпрянула, будто увидала призрак. Ее лицо с густо наведенными глазами и кроваво-красными губками в электрическом свете кажется неестественно постаревшим...

И я вдруг понимаю: мне наплевать. Может, у меня и впрямь не все в порядке с головой, но я чувствую себя слишком усталым и постаревшим для того, чтобы разыгрывать дурацкую сцену оскорбленного самолюбия и ревности к давно ушедшему неизвестно чему...

«Как прежде уже не будет. Никогда...»

Я просто выкладываю ключ от Иркиной квартиры на прилавок:

– Всего хорошего, – и выхожу под морозящий полуснег-полудождь, внезапно ощущая облегчение от обретенного одиночества.

Если это была любовь, то я ее больше не хочу.

– Огонь!

Мы засели в окопах возле села с труднопроизносимым названием и лупили по нему из всего подряд. А оттуда палили по нас. Нормальные военные будни. Я уже привык к дикому грохоту войны. К немереному количеству водки, которую, когда привозили, мы вливали в себя, как горючее в автомобиль, чтобы заспиртовать мозг и атрофировать страх, жалость, тоску, отчаяние – все, что нормально и естественно *там*, но вредно и не нужно *здесь*. Иначе можно сойти с ума...

Каждая горная деревушка встречала нас ошестинившимися баррикадами, катакомбами черных ходов, опутавших каждый дом, а когда мы все же туда попадали – косыми злобными взглядами жителей, мирных настолько, что лучше лишний раз не поворачиваться спиной. Лично мне привыкнуть к этому было гораздо сложнее, чем к атакам боевиков. Не знаю, кто как, а я все меньше и меньше ощущал себя воином-освободителем, припоминая слова Алексея: «Нечего нам было вообще сюда соваться... Мы для них чужие... Так было и так будет всегда...»

– Огонь!

А потом, может, услышим:

– Вперед!

И тогда уже – кто кого.

Атака... Сердце испуганно екает, когда ты, сжав в руках автоматный ствол, выбрасываешь из зыбкой защиты узкого окопа свое затекшее тело, такое удивительно хрупкое и беззащитное в эти секунды. И ты стараешься не думать о том, что того, кто сидел сейчас рядом с тобой, через минуту может не стать. Не думаешь вообще ни о чем, чтобы не допустить иной мысли, еще более невероятной в ее жути: в следующий момент может не стать тебя...

Я уже знал, что должен выстрелить первым. Иначе завтра для меня может не быть. Но я боялся этого завтра из страха переступить полустертую уже черту, за которой заканчивался инстинкт самообороны и начинался азарт разрушения...

Иногда я думал, что им легче с их фанатичным «Аллах акбар». Аллах дал жизнь, он же взял. Все просто... Эта жизнь – лишь коридор. Все лучшее – после... Но в этом может таиться погибель. Мы, в трех поколениях старательно отлучаемые от Бога, лишь сейчас открывшие его, но так до конца не понявшие и не принявшие, мы цепляемся за свою земную юдоль как за самое большое сокровище. И готовы сражаться за него даже с самим Всевышним...

Я видел смерть. Я видел ее столько, что хватило бы на сотни таких, как я. Но так и не понял до конца, что же она такое... Наверное, это знают лишь те, кто переступил незримую черту, разделяющую два мира – живых и тех, кто был ими прежде... Но никто из тех не вернулся, чтобы рассказать оставшимся здесь, что же нас ожидает *там*: светящийся тоннель или черная дыра? А быть может, зияющая пустота...

И для меня, пока живого, смерть была страхом. В первую и последнюю очередь. Страхом мучительным, тягучим, животным, унижительным. Сперва не отпускающим ни на миг, позже – притуплённым водкой и временем... И еще он был облегчением. Оттого что сегодня этим вселенским откровением овладел не ты. И стыд за это чувство. За то, что оно мерзко, унижительно, и ты ничего не можешь с собой поделать, и оно приходит снова и снова... Всякий раз после очередного боя. Быть может, остальные испытывали то же самое? Я не спрашивал...

Когда «чехи» начинали сдавать позиции, первыми в селения входили ВВ – внутренние войска. Мы, пехота, – на подхвате. Иначе наших ребят осталось бы еще меньше. Алексей, напротив, ушел в первых рядах. Он искал «кровника». Пять лет назад какой-то подонок украл тринадцатилетнюю сестру Алексея, изнасиловал и продал в рабство в горы, одному из известных наркодельцов, до которого Алексей сумел добраться в годы первой чеченской. Остался сам похититель, по слухам ушедший с Радужным.

«Джихад».

– Он же русский, Алексей, – удивился я, услышав от Кирилла это слово.

– Он местный. Живет по их законам. И таких, как он, бояться сильнее, чем всех нас, вместе взятых. Джихад – для «чехов» гораздо больше, чем наш бумажный закон. Проклятые дикари... – Сморщившись, он закашлялся, облизнул пересохшие губы. Нас здорово мучила жажда: на «передке» вечная проблема нехватки воды. – Вот войдем в чертово село – попьем.

– Не говори, – мрачно поддакнул Гарик. – Воюй им, а ни жратвой, ни водой не могут обеспечить, козлы...

Это, по-видимому, относилось к высокому командованию, сидящему где-то далеко, в мирной предновогодней Москве.

– Говорят, какой-то хрен обещал к праздникам все закончить, – пробурчал Денис.

– Ага, а «чурок» предупредили?

– Эх, тоска тут, ребята... – вздохнул Макс. – Хотя бы к Новому году слинять отсюда. В нашем клубе такой тусняк будет...

*Хрустальный замок до небес,
Вокруг него дремучий лес... —*

напел он в такт орудийному грохоту. – Эх, как только выберемся, всех приглашаю. Выпивка за счет заведения.

– Ловлю на слове, – тут же отозвался Кирилл.

– Огонь! – На пробегающем по окопу Василии новенький бушлат. Трофейный.

Я уже спокойно относился к этому. Мы всю уплетали трофейную жрачку. В отличие от доблестных федеральных войск снабжение «бандитов» поставлено не в пример лучше. В их рюкзаках мы находили консервы всех видов и мастей, американские сигареты. У какого-то пижона с изрешеченной пулями головой извлекли бутылку джина. Мы опустошали рюкзак, а труп укоризненно глядел на нас единственным тусклым глазом. Мне сделалось не по себе, но Кирилл, пнув тело ногой, равнодушно заметил, что парень знал, на что шел. У него были документы подданного ОАЭ и фотография, где еще была целая голова и лицо, весьма симпатичное, а рядом скалилась большегрузная красотка.

– Твою мать, – не удержался я. – Кой хрен нес тебя от такой бабы...

– Вероятно, этот. – Кирилл вытащил из внутреннего кармана несколько новеньких хрустящих купюр с портретом надутого американского президента. Протянул половину мне. Я не взял. Мне было противно. За эти бумажки убили Костика. И не его одного. А завтра, быть может, и нас... К тому же, вспомнил я, это, кажется, называлось мародерством... – Нет.

За эти конкретные баксы «чехи» уже никого не уберут, – усмехнувшись, поправил Кирилл. – А мародерство – это у мирных. Здесь – трофей. Эти, кстати, можно брать. Вот у снайперов-хохлов – фальшивки. На фуфель покупаются братья славяне... Не хочешь – как хочешь. – И, равнодушно пожав плечами, забрал доллары себе. А фотографию смял в колючий ком и швырнул оземь.

Перед моими глазами все еще стояла белозубая улыбка фотографической красоты...

– Как ты думаешь, – сорвалось у меня с языка, – после всего этого... у нас не будет проблем... ну, с сексом? – Эта Проблема, несмотря ни на что, частенько будоражила нас, обсуждалась в тесных кружках и казалась порой важнее войны.

Кирилл удивленно заломил брови и посмотрел на меня так, что я почувствовал, как густая удушливая пелена напоздаст на щеки. Вот уж не думал, что когда-нибудь покраснею, как малолетка...

– Не дрейфь, – фыркнул Кирилл и ободряюще хлопнул меня по спине. – Будет работать лучше прежнего. Верь папочке. Только не тре-пись, где служил.

– Почему?

– Потому, – отрезал Кирилл. – Сам еще не понял? Лучше уж скажи, что полгода отбыл в психушке, да добавь «за идею».

– За какую еще идею?

– Не важно. Хотя за победу коммунизма в отдельно взятом «Макдоналдсе». На экзальтированных дамочек за тридцать это производит неизгладимое впечатление. А малолетки просто торчат. Война же – это грубо, непонятно и страшно. Баб от этого не прет, понял?

Бывало, находили наркоту. Ее забирал Гарик. Его взгляд с каждым днем становился все мутнее. Иногда мне казалось, что в его глазах скоро вовсе перестанут отражаться наши лица. Останется одна туманная пустота. Но я молчал. Как и остальные. Может, завтра он или я будем так же валяться с раздробленной головой... Да и чем несколько официальных поллитровок лучше сигареты с марихуаной? Каждый держался как мог.

– Огонь! – Василий уже охрип.

А с небес светило солнышко. Такое ласковое, что впору раздеться и броситься, зарываясь давно не мытым телом в нежную травяную постель, подставив оголенный тыл под свежий, как женское дыхание, ветерок...

– Твою мать... – закуривая, обронил Кирилл. – Вот вернусь, я нашему жирному борову задницу надеру...

– Кому?

– Полкану, суке продажной. Я же в милиции следаком работаю. Не дал одного бандита отмазать. А шеф наш, полковник Кривенко, за несговорчивость командировочку мне сюда выписал. Ну ладно, он у меня станет и вправду «кривенко». Скотина...

Страшный грохот потряс наш окоп. Земля заходила под ногами, точно началось извержение вулкана. И в ту же секунду воздух разорвал душераздирающий вопль. Макс Фридман бился в конвульсиях на дне окопа. Ниже правого локтя вместо руки у него болтались рваные ошметки кожи, мяса и грязно-бурой ткани...

– Убейте меня! – выкрикивал он, не переставая выть.

Его прижали к земле. Вкололи прямо в обрубок ампулу промедола, потом еще одну. Но он, рыдая и извиваясь, продолжал стонать, размазывая по лицу коричневую грязь:

– Лучше убейте меня. Я же музыкант... Не хочу быть инвалидом...

Ему дали еще успокоительное, и постепенно Макс затих, изредка всхлипывая. Огурец подпихнул под него брезент, а Сайд, глядя по курчавым волосам, проникновенно внушал:

– Неправильно ты говоришь. Надо жить. Ты молодой. Вернешься домой, сделают тебе протез какой-нибудь немецкий... Я по телевизору видел такие. В точности как настоящие... Никто и не заметит...

И все мы дружно поддакивали. Война для Макса закончилась...

Стараясь не шуметь, я захожу домой, запираю дверь, на цыпочках прокрадываюсь мимо комнаты родителей, откуда доносится похрапывание отца.

– Это ты, Славик? – сонно спрашивает мама.

– А кто же? Спи...

– Там на ужин котлеты с картошкой, сейчас встану, согрею...

– Даже не думай. Сам все найду. Спи давай.

У меня и впрямь пробудился волчий аппетит.

Я иду на кухню, лезу в холодильник, нахожу там котлеты с картошкой и с наслаждением уплетаю холодные и запиваю остывшим чаем.

14

Этой ночью пришел Костик. Тихо сел на кровать в изножье, смущенно улыбнулся. Как ни странно, я не испугался. Немного удивился, а потом даже обрадовался. Спросил:

– Ну как ты?

Он по-детски угловато пожал плечами:

– Ничего. Только скучновато... А ты как?

– Хреново. Возьми меня с собой. Я хочу посмотреть, что там.

Он посерьезнел и покачал головой:

– Тебе нельзя. Еще не время.

– Тогда расскажи, какая она, смерть?

Он поглядел на меня очень внимательно, словно старался передать что-то телепатически, не разжимая губ. Но у него не получилось. Я ничего не понял, сколько ни напрягался. Только голова разболелась. И тогда он сказал:

– Смерть как жизнь – у каждого своя. Придет время – узнаешь... Мне пора. – Он вздохнул, тоскливо покосившись на светлеющую дымку за окном. И шагнул сквозь стекло.

Я рванулся было следом, закричал, что он разобьется... Но вспомнил, что Костик уже мертв...

Я открываю глаза. Передо мной колыхнется занавеска. Мне чудится странный запах, не то дыма, не то ладана...

15

Ноябрь 2000 г.

– Ух, жрать хочу... – Сын потянулся за аппетитно пахнущим батоном.

– Руки мой. – Она легонько шлепнула его по запястью. – И потом, не «жрать», а есть. Постой, что это? – Она коснулась пальцем небольшой ссадины на подбородке.

– Так... – буркнул мальчишка и, ловко извернувшись, скрылся в ванной.

– Так... – Она разлила в тарелки розовый борщ и села напротив сына. – Снова подрался?

– Угу... – Мальчик вскинул на нее круглые серые глаза, взгляд которых сделался колючим. – А что? Он первым полез... Ой, какой вкусный борщ!

– Не хитри, – рассердилась она. – Мне надоело видеть твои синяки и шишки! Когда это кончится? Наверное, надо зайти в школу.

– Нет. – Мальчик упрямо сдвинул брови. – Не надо никуда ходить. Я сам решу свои проблемы.

– Проблемы обязательно решать кулаками?

– Если по-другому не получается. Так и папа учил.

Она дернулась. Стол покачнулся, борщ выплеснулся из тарелки, растекся по клеенке розовой лужицей. Она вскочила, побежала на кухню, принесла тряпку и принялась тереть с остервенением, будто хотела вместе с безобидной лужицей изничтожить всю боль, накопившуюся внутри.

– Мам, что с тобой? У тебя глаз дрыгается.

– У меня скоро все от тебя задергается! – Она отшвырнула тряпку и закрыла лицо ладонями.

Мальчик подошел, погладил мать по плечу.

– Ма-ам... – бормотал он тоненько и жалобно. – Я больше не буду... Честное слово.

– Извини меня. – Она порывисто прижала сына к груди, зарываясь щекой в теплые, пахнущие летними яблоками волосы. – Прости... Почему он к тебе лезет, этот мальчик, с которым ты дерешься?

– Не знаю... Наверное, потому, что он выше и сильнее. Он всех задирает, кто поменьше ростом...

– И все дерутся?

– Нет, не все. Многие боятся, что он их побьет.

– А ты не боишься?

– Я – нет. – Он вскинул взъерошенную голову, сделавшись вдруг выше и старше. – Я сам могу за себя постоять. Я же мужчина.

– Господи, – простонала она. – Что ж это за страна, где с пеленок нужно учиться воевать...

– Что? – переспросил сын.

Он был слишком мал, чтобы понять горький смысл материнских слов.

– Ничего. – Она погладила сына по непокорно торчащему ежику на макушке. – Оброс-то как быстро. Стричь пора. Разоришь ты меня на парикмахерских...

– Мам, а интересно, как живут богатые?

– Богатые? – удивленно переспросила она. – По-разному живут. Так же как и все люди. Со своими радостями и печалью. А что это ты спросил?

– У нас многие летом за границей отдыхают. Потом рассказывают друг другу, кто где был. А я сказал, что тоже поеду к папе. Мы ведь поедem, да?

– Послушай, сынок... – Она вздохнула так глубоко, точно собралась опуститься на дно глубокого водоема.

– Да, мам? – Круглые серые глазищи сына исполнились живого веселого любопытства. – Чего?

– Давай-ка пить чай. – Она поднялась. – Варенье откроем. Какое хочешь? Яблочное или смородину?

– Яблочное. Ты чего так на меня смотришь, мам?

Она обняла сына, поцеловала в упрямый затылок, прошептала:

– Я не хочу, чтобы ты выросал...

16

Декабрь 1999 г.

Мы с Кириллом и Огурцом сидим в полутемном пабе. Кругом витает сизый клубящийся дым, похожий на горный туман. Прежде я думал, что фронтовое братство – это что-то вроде отголоска стадного инстинкта самосохранения. Но теперь понимаю, насколько ошибался. Мне не хватает тех, с кем я могу быть самим собой. С кем не нужно притворяться, что все по-прежнему и не произошло ничего особенного. С кем я могу просто сидеть и молчать, выкуривая одну за другой крепкие сигареты, изредка перебрасываясь фразами, для постороннего ничего не значащими. Потому что только для нас открылся особый смысл параллельной жизни, где, сами того не желая, мы все еще продолжаем существовать.

– Не трофейные, – усмехается Кирилл, вытаскивая «Яву». – Жаль. Слабоваты.

Я смотрю на своих друзей. Кирилл в сером вязаном джемпере и потертых джинсах совсем не выглядит «солдатом удачи». Даже взгляд слегка потеплел, будто оттаял после долгой зимы. Просто парень, зашедший пропустить пару кружек и потрепаться с приятелями. Огурец, сменивший свои легендарные «стекла на резинке» на довольно стильные, в тонкой оправе, да еще напяливший пиджак, слегка ему узковатый, видимо «выпускной», – ни дать ни взять – студент. Интересно, как со стороны выгляжу я?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.